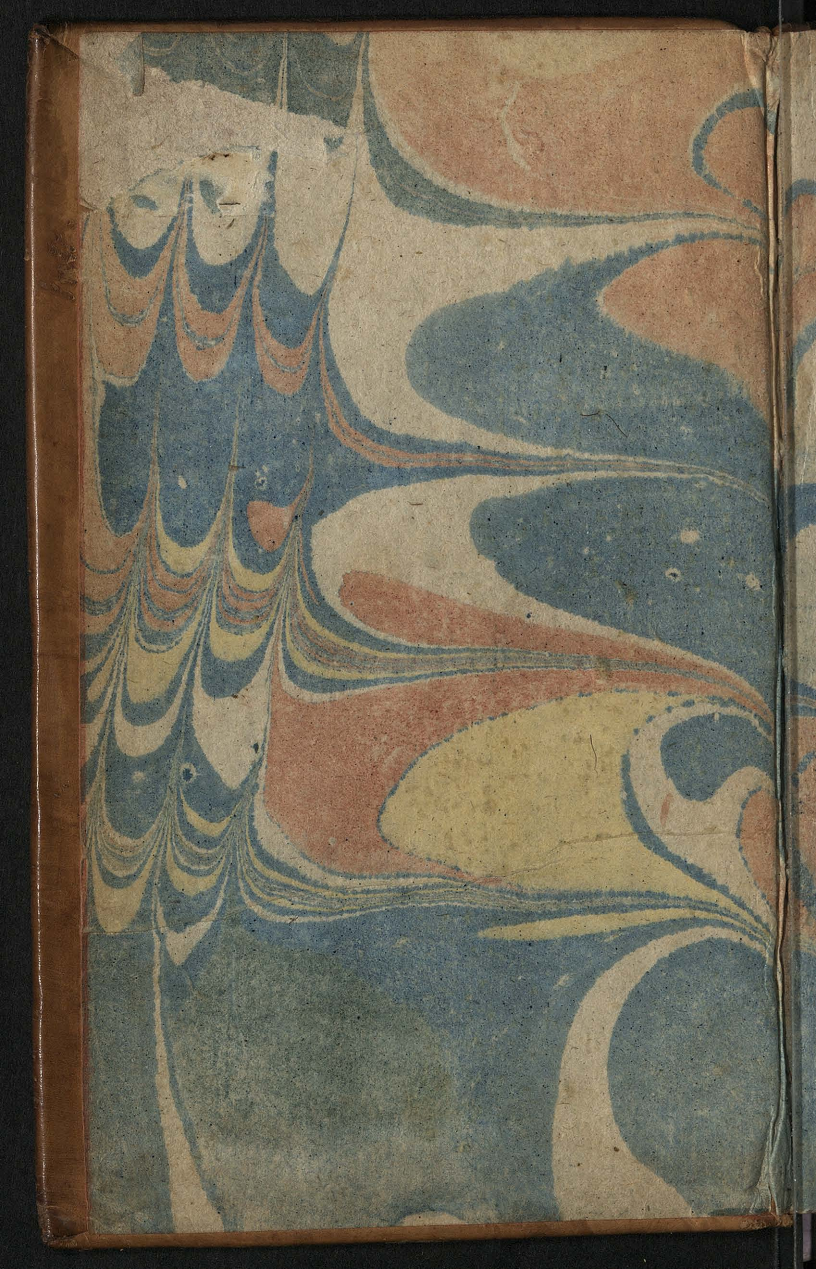
W. C. O.

НОВОЙ
РОБИНСОНЪ КРУЗЕ,

ИЛИ

Похожденія славнаго Аглинскаго мореходца.

Переведено съ Нѣмецкаго.

ВЪ МОСКВѢ,
въ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова, 1781 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Новой Робинсонъ Крузе, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

НОВОЙ
РОБИНСОНЪ КРУЗЕ.

Робинсонъ велъ свое поколѣніе изъ Нѣмецкой земли; отецъ его былъ уроженецъ города Бремена, но оставивъ оной, поселился въ Англіи, гдѣ посредствомъ торговли пріобрѣлъ себѣ богатство, и избралъ себѣ жилищемъ городъ Іоркъ. Тутъ онъ женился, и изъ сего супружества произошелъ оный славный мореходецъ, коего повѣствованіе я нынѣ описать вознамѣрился. Фамилія его матери называлась Робинсонъ, а онъ назвался соединеннымъ именемъ обоихъ своихъ родителей Робинсономъ Крейцнеромъ; Агличане же, кои обыкновенно въ выговорѣ имена портятъ, прозвали его Робинсономъ Крузе.

Молодой Робинсонъ опредѣленъ былъ для изученія законовъ и правъ; но его предприимчивой нравъ столь сильно понудилъ его вести жизнь мореходца, что ни мудрыя представленія, ни прозьбы, ниже угрозы его родителей, не могли его отвратить отъ сего труднаго и опаснаго пути. Отецъ его ежедневно ему совѣтовалъ, дабы онъ не покидалъ средняго состоянія, для котораго онъ рожденъ, и въ которомъ достаточно и спокойно всю свою жизнь вести можетъ. Сіе токмо состояніе, говаривалъ онъ ему часто, содержитъ въ себѣ истинное благополучіе, а всѣ другіе вышшіе и нижніе чины сопряжены съ великими неудовольствами. Знатной человѣкъ терзаемъ бываетъ страстями, высокими замыслами, и не естественными нуждами: земледѣлатель, ремесленникъ, фабрикантъ принуждены принимать тѣлесные труды, и часто имѣютъ недостатокъ въ содержаніи себя, а безпрестанно почти въ сомнѣніи находятся

дятся о своемъ прибыткѣ. Знатной человѣкъ утопая въ изобиліи и наслаждаясь всѣми способностями, вдается въ роскошь, которая истощеваетъ его силы, перемѣняетъ веселой нравъ, и часто жизнь его наполняетъ горестями: онъ не имѣя о бѣдности ни малаго понятія ожесточается, и не способенъ ни къ дружбѣ, ни къ благодѣяніямъ. Онъ воздыхаетъ отъ скуки и праздности, хотя она стала по обыкновенію ему не много сносна, и безпрестанно стараясь соображать свой нравъ съ нравомъ другихъ, теряетъ свой собственной. Упражненія, требующія безпрестаннаго сидѣнія или напряженія силъ, въ нижняго званія людяхъ отравляютъ ихъ жизнь, или заражаютъ сердце худыми и непріятными мыслями. Напротивъ того средняго состоянія человѣкъ, которой имѣетъ довольно имѣнія и въ состояніи освободиться отъ угнѣтающаго его ига, и которой хотя и сноситъ горести; однако нещастія никогда не претер-

пѣваетъ, нещастливѣе ли онъ другихъ? Онъ обуреваемъ бываетъ страстьми и злополучіями, однако никогда они не возрастаютъ въ немъ до такой степени, чтобы чрезъ то и самая жизнь ему несносна стала.

Сіи отчасти истинныя, а отчасти ложныя представленія слушалъ его сынъ спокойнымъ видомъ, вѣрилъ всему; но твердо пребывалъ въ своей склонности. Онъ уговорилъ свою мать, дабы она выпросила у отца позволеніе вступить ему въ морскую службу: и какъ отецъ не склонялся и на ея прозьбу, то сей безрассудной юноша преступилъ всѣ предѣлы пристойности, и дерзко разторгнулъ препоны, кои желанію его противополагались: онъ тайно убѣжалъ отъ своихъ родителей, и на первомъ кораблѣ, которой ему попался, переѣхалъ изъ Гуллы, куда онъ убѣжалъ, въ Лондонъ, дабы тамъ найти случай къ дальнему по морю плаванію. Небольшая приклю-

чившаяся буря, которая неискусившемуся юношѣ сильнымъ орканомъ показалась, преисполнила сердце его ужасомъ, и онъ почувствовалъ наказаніе, которое Богъ за дерзновенной его поступокъ на него низпосылаетъ. Однако собесѣдники его вскорѣ вывели его изъ таковаго мечтанія; они ободрили его сердце пуншемъ и водкою такъ, что онъ вскорѣ забылъ раскаяніе, и получилъ новое желаніе путешествовать по морю.

Нѣсколько дней спустя, потомъ восчувствовалъ онъ жесточае перваго наказаніе: ибо возстала буря несравненно сильняе прежней, которая толь долго продолжалась, что наконецъ слабой и тяжело нагруженной корабль преданъ былъ на волю колебанію волнамъ, и всѣ находящіеся на ономъ люди принуждены были спасаться на ботѣ. Неискусившійся юноша въ раздранномъ рубищѣ и въ безсиліи отъ страха опасности, при-

нужденъ былъ пѣшій проходить въ Лондонъ; по чему и тѣ самые, кои сперва поощряли его къ мореходной жизни, видя въ немъ столь мало постоянства и силы, начали ему отсовѣтывать; однако онъ ни на что не взиралъ: желаніе по морямъ странствовать толь много имъ обладало, что онъ и при такихъ обстоятельствахъ не хотѣлъ возвратиться въ домъ отца своего; онъ колебался нѣсколько времени въ своихъ мысляхъ, но напослѣдокъ сѣлъ на одно судно, назначенное къ Африканскимъ берегамъ.

Хозяинъ сего судна, на коемъ онъ въ Африку поѣхалъ, прельщенъ будучи живностію и остротою разума сего юноши, обѣщалъ безъ всякой платы довезти его до назначеннаго мѣста, и предложилъ ему, дабы положилъ онъ въ торгъ небольшую сумму денегъ, и закупилъ разныхъ галантерейныхъ вещей, кои съ великою прибылью на берегахъ

Гви-

Гвинейскихъ перепродать можно. Робинсонъ помощiю нѣкоторыхъ своихъ сродниковъ собралъ около сорока фунтовъ стерлинговъ, и на возвратномъ своемъ пути выручилъ 300 фунтовъ стерлинговъ. Сверьхъ того снискалъ онъ весьма великую довѣренность у онаго корабельнаго Капитана, и прiобрѣлъ на сей поѣздкѣ много знанiй въ Математикѣ, мореплаванiи и звѣздочетной наукѣ.

Сiя поѣздка окончалась весьма благополучно; но сiе благополучiе, сопряженное и съ тѣмъ прибыткомъ, которой онъ въ сiе путешествiе себѣ прiобрѣлъ, побудили его и въ другой разъ отважиться на утломъ суднѣ выѣхать въ море; однако въ семъ случаѣ не имѣлъ онъ желаемаго щастiя. Наивеличайшiя превратности судьбины соединившись всѣ вкупѣ, поколебали его къ мореплаванiю склонной духъ. —— Между Канарскими островами и Африкою на разсвѣтѣ дня появилось изъ Сале разбойничес-

кое судно, которое на всѣхъ парусахъ погналось за тѣмъ кораблемъ, на коемъ ѣхалъ Робинсонъ. Хозяинъ сего корабля почиталъ полезнѣйшимъ убѣжать отъ разбойниковъ, нежели онымъ сопротивляться. Онъ пустился на всѣхъ парусахъ со всевозможною скоростiю; однако и сiя предосторожность не спасла его отъ рукъ непрiятельскихъ. Турецкой Каперъ гнался за нимъ даже до третьяго часа по полудни и на конецъ приближился къ нему столь близко, что на кораблѣ надлежало прiуготовляться къ оборонѣ. Разбойники хотѣли напасть съ задней части корабля, однако по случаю первой ихъ пушечной выстрѣлъ попалъ въ правой бокъ; на сей выстрѣлъ выпалено съ корабля изъ восьми пушекъ: и сiя перестрѣлка какъ изъ пушекъ, такъ равно какъ и изъ ружей продолжалась долгое время съ обѣихъ сторонъ. Разбойники усмотрѣвъ свою выгоду, бросились числомъ до шестидесяти человѣкъ въ оной корабль, и порубили

били топорами всѣ мачты и корабельныя снасти. И хотя имъ бодрственное учинено сопротивленіе; однако при всемъ томъ остались они побѣдителями: корабль принужденъ былъ сдаться, и Робинсонъ со всѣми своими товарищами отведенъ въ Сале плѣнниками.

Можетъ быть кто изъ читателей подумаетъ, что Робинсонъ злую принялъ участь въ семъ плѣну, однако тотъ весьма много ошибется: Робинсону была здѣсь жизнь довольно сносна. Правда, онъ изъ купцовъ сдѣлался рабомъ и невольникомъ, однако его не отводятъ съ прочими плѣнниками въ столицу Императора; но Капитанъ разбойническаго судна удерживаетъ его при себѣ, и опредѣляетъ его себѣ во услуженіе.

Робинсонъ, которому такое новое состояніе весьма противно было, началъ помышлять о побѣгѣ съ самой

той минуты, какъ онъ попался въ руки разбойниковъ. Онъ несомнѣнно полагался, что его хозяинъ неотмѣнно будетъ брать съ собою для разъѣзда по морю; и есл и по случаю его разбойническое судно попадется либо Испанскому, либо Португальскому кораблю: то тогда Робинсонъ неотмѣнно получитъ свободу; однако со всѣмъ иначе случилось, нежели онъ надѣялся. Новой его хозяинъ отнюдь не бралъ его съ собою въ море, не встрѣчался ни съ какимъ Испанскимъ или Португальскимъ судномъ, и Робинсонъ пребывалъ въ неволѣ: но напротивъ того онъ принужденъ былъ сидѣть дома, обрабатывать землю въ его саду, и смотрѣть за всемъ хозяйствомъ. А когда каперъ возвращался изъ моря, то Робинсону надлежало спать на немъ въ каютѣ, и оберегать судно.

Всякой разъ, какъ Робинсонъ стоялъ на сей стражѣ, помышлялъ онъ

онъ о побѣгѣ, однако при всемъ своемъ размышленіи не могъ найти удобнаго средства; поелику не имѣлъ себѣ такого сотоварища, которой бы разумѣлъ его языкъ, и съ которымъ бы онъ могъ предпріятіе свое произвесть въ дѣйство:, а самъ одинъ не дерзалъ ни начто отважиться; и такимъ образомъ принужденъ онъ былъ цѣлые два года жить въ такомъ состояніи безъ всякія надежды ко своему избавленію.

Спустя долгое время потомъ получилъ онъ удобной случай. Хозяинъ его по нещастію не имѣя денегъ для вооруженія своего Капера, принужденъ былъ далѣе обыкновенія своего пребывать на сухомъ пути. Такимъ образомъ прекративъ свою войну съ людьми, вооружился онъ на рыбу, и каждую недѣлю выѣзжалъ по нѣскольку разъ на ботѣ на рыбную ловлю: Робинсонъ и одинъ молодой Арапъ были его спутниками, и какъ первой показалъ много искусства и про-

проворства въ рыбной ловлѣ, то онъ возъимѣлъ къ нему столько довѣренности, что иногда посылалъ его одного со своимъ сродникомъ, на рыбную ловлю.

Одинъ разъ, когда Робинсонъ выѣхалъ на ловлю съ сродникомъ своего хозяина, случился превеликой туманъ, такъ что они не могли увидѣть берега и цѣлые сутки проводили на морѣ: когдаже оной туманъ исчезъ, то усмотрѣли, что они по крайней мѣрѣ отстоятъ на одну милю отъ земли, и стали грести съ тѣмъ большею поспѣшностію и опасностію, что вѣтръ сильно тогда подымался. Съ сего самаго времени Капитанъ разбойническаго судна никогда не выѣзжалъ на ловлю безъ компаса и безъ съѣстныхъ припасовъ, и въ семъ намѣреніи приказалъ къ тому большому боту, на которомъ взятъ *Робинсонъ*, придѣлать каюту и ящики для поклажи водки, сарачин-

скаго

скаго пшена, кофію и другихъ съѣстныхъ припасовъ.

Нѣкогда вздумалъ онъ для прогулки выѣхать на семъ ботѣ въ море съ нѣкоторыми знакомыми Арапами: для сей причины велѣлъ онъ запастись множествомъ съѣстныхъ припасовъ, и взялъ съ собою три ружья, довольное количество пороху и свинца, дабы можно было стрѣлять птицъ, когда рыбная ловля имъ наскучитъ. Робинсонъ въ сообразность его повелѣній приуготовилъ все нужное, и ожидая долгое время гостей, увидѣлъ вмѣсто оныхъ одного хозяина, къ себѣ грядущаго, которой ему возвѣстилъ, что его друзья отсрочили прогулку до другаго дни, и приказалъ ему съ обыкновенными двумя провожатыми, а именно со своимъ сродникомъ и молодымъ Арапомъ, выѣхать въ море и наловить себѣ рыбы для ужина, на которомъ у него много друзей присутствовать будетъ. — Робинсонъ возмнилъ вос-

пользоваться симъ случаемъ къ своему спасенію: ибо находился обладателемъ небольшаго судна со многими припасами, чего онъ единственно и желалъ.

Въ семъ намѣреніи уговорилъ онъ сродника своего хозяина, дабы онъ положилъ въ судно коробъ съ сухарями и нѣсколько бутылокъ съ свѣжею водою подъ тѣмъ видомъ, будто бы онъ не смѣетъ прикоснуться къ запасамъ своего господина, если они по нещастію паки далеко отъ земли удалятся. Сверьхъ сего Робинсонъ тайно снесъ въ судно топоръ, воску, веревокъ и прочее что токмо могъ найти. Онъ также присовѣтовалъ сроднику своего господина, дабы онъ взялъ съ собою ружья и пороху, съ тѣмъ чтобы имъ на морѣ и птицъ стрѣлять можно было. Сродникъ не подозрѣвая ни въ чемъ Робинсона, исполнилъ все по его желанію. Они отправились въ море и на разстоянія

нiи на одну милю отъ гавани, начали ловить рыбу; однако Робинсонъ уговорилъ Арапа, что поелику тутъ рыбы мало водится, дабы они поѣхали еще подалѣе, что и учинилось. Остановившись сродникъ Капитана, всталъ на передней части судна, и началъ осматривать море. Между тѣмъ Робинсонъ отдалъ молодому Арапу весла, а самъ приближившись къ сроднику своего господина подъ видомъ, будтобы онъ около его нѣчто поискать намѣренъ, схватилъ его за ноги и бросилъ его благополучно въ море. Сродникъ приближился къ судну, и просилъ его неотступно, дабы онъ его къ себѣ паки принялъ: однако Робинсонъ уставивъ на него заряженное ружье, говорилъ ему я тебѣ никакого зла не здѣлалъ; поплывай къ берегу, покамѣсть море спокойно. А если ты къ сему судну бриближишся, то я тебѣ простреѣлю твою голову. — Сродникъ Капитана не желая извѣдать истинну его угрозъ, поворотилъ не-

 мед-

медленно къ берегу, и конечно приплылъ благополучно, если онъ на пути ко дну не пошелъ.

Робинсонъ имѣлъ столь великое желаніе доставить себѣ свободу, что истребилъ изъ своего сердца человѣколюбіе, и хотѣлъ было подобно поступить и съ другимъ Арапамъ; однако вдругъ опомнился и хотѣлъ его добромъ склонить на свою сторону. — Ксури, говорилъ онъ ему, если ты будешь мнѣ вѣренъ, то ты будешь щасливъ; возложи руку на лице твое и клянись мнѣ Магомедомъ и бородою его отца, либо я тебя брошу въ море, подобно твоему земляку. — Арапъ улыбался съ трепетомъ, гладилъ его руку, и клялся Магомедомъ и бородою его отца, что ему пребудетъ во всемъ вѣренъ, и готовъ ему послѣдовать, кудабы онъ ни поѣхалъ. Робинсонъ держался прямаго пути по тѣхъ поръ, покамѣстъ плывущій по морю Арапъ въ виду находился,

дабы

дабы чрезъ то могъ подать бывшему своему хозяину ложное понятіе о его пути, буде онъ его преслѣдовать похочетъ, а потомъ поворотилъ онъ по вѣтру, которой тогда былъ южной, и сопровождалъ его въ такія земли, гдѣ обитали дикіе народы и свирѣпые тигры, къ коимъ съ опасеніемъ своея жизни ни коимъ образомъ пристать не можно. Робинсонъ и его товарищъ гребли съ великою проворностію и вѣтръ былъ имъ столь попутенъ и море столь спокойно, что они въ три часа пополудни послѣдующаго дни дѣйствительно отъѣхали на сто пятьдесятъ миль отъ Сале, и весьма далеко находились отъ областей Марокскаго владѣльца: почему каперъ въ таковомъ отдаленіи ихъ ни коимъ образомъ нагнать не могъ. Однакожъ Робинсонъ не почиталъ еще такую отдаленность довольно безопаснымъ для себя мѣстомъ; онъ никуда не приставалъ, нигдѣ не становился на якорѣ, но цѣлые пять

дней безпрерывно продолжалъ свой путь.

По прошествіи сего времени впервые осмѣлился онъ приближиться къ берегу; въѣхалъ около вечера въ небольшой заливъ, и сталъ на якорѣ въ намѣреніи осмотрѣть землю при наступленіи ночи; однако принужденъ былъ сіе намѣреніе оставить въ недѣйствительности. Ибо какъ скоро настала темнота, то услышалъ онъ ужасной ревъ, крикъ и вытье происходящее съ земли; сія музыка, дикими звѣрьми составленная, стала наконецъ столь ужасна, что молодой Арапъ дрожалъ отъ страха, и съ трепетомъ ухватился за руку Робинсона, какъ бы онъ очевидно зрѣлъ идущихъ на него дикихъ звѣрей. Робинсонъ его ободрялъ, и для его укрѣпленія силъ поднесъ ему рюмку водки, которая вліяла въ юношу толь много бодрости, что онъ со всею силою хотѣлъ всѣмъ страшнымъ чудовищамъ возвѣстить войну

и ихъ всѣхъ пострѣлять ружьемъ. Но тотчасъ исчезла сія неустрашимость, когда услышалъ онъ шумъ и плесканіе воды, которое ничто иное значило, какъ приближеніе звѣрей. Не много спустя потомъ начали они играть въ водѣ, и отъ радости испускали толь страшной ревъ, что оба путешественники не знали что отъ страху начать. Шумъ въ водѣ становился часъ отъ часу яснѣе, и хотя они въ темнотѣ ничего не могли видѣть, однако изъ ноздрей приближающагося чудовища исходилъ столь сильной вѣтръ, что они по сему обстоятельству могли заключить о его необычайной величинѣ. Малолѣтной Ксури почиталъ уже себя поглощеннымъ, прижимался крѣпко къ своему товарищу, и ни на единой шагъ не отходилъ отъ него. Онъ тихимъ голосомъ совѣтовалъ ему обратиться въ бѣгство; однако Робинсонъ увѣрялъ его, что сіе не нужно, и взявши ружье выстрѣлилъ, не зная самъ куда онъ мѣтитъ; по

семъ выстрѣлѣ поворотилъ звѣрь къ берегу, на коемъ всѣ находившіеся звѣри возстенали ужаснымъ образомъ, такъ что отъ страха оба путешествователи стояли въ оцепенѣніи.

Сколь ни опасно было преселиться на землю, обитаемую столь страшными жителями; однако недостатокъ въ свѣжей водѣ неотмѣнно понуждалъ на сіе опасное предпріятіе. Они всю ночь проводили безъ сна, и слѣдующаго утра разсуждали, что имъ дѣлать надобно. — Подай мнѣ крушку, говорилъ Ксури съ ребяческою откровенностію, я одинъ пойду и принесу воды. — За чемъ же такъ, вопросилъ Робинсонъ? — Дабы дикіе звѣри меня одного съѣли, а ты бы остался въ живыхъ, отвѣчалъ Ксури. — Робинсонъ тронутый его чистосердечіемъ и любовію, далъ ему сухарей и рюмку водки, и по семъ оба вооружившись ружьями, и взявши съ собою крушки, вышли на землю.

Ро-

Робинсонъ не хотѣлъ потерять изъ виду свое судно и недалеко отходилъ отъ онаго: но молодой Арапъ, которой водкою чрезмѣрно много ободрился, побѣжалъ въ одну аллею, которая далеко въ землю простиралась, изо всѣхъ силъ спустя нѣсколько минутъ стольже востро и взадъ обращался, что Робинсонъ подумалъ, что неотмѣнно за нимъ какой нибудь дикой человѣкъ или звѣрь гонится, и поспѣшалъ сей ради причины къ нему на помощь; но по приближенiи своемъ увидѣлъ онъ съ удовольствiемъ, что оной мальчикъ несъ къ нему мертваго животнаго, которое онъ застрѣлилъ. Сiе животное походило на зайца во всемъ, выключая токмо то, что у него цвѣтъ былъ иной, и ноги нѣсколько продолговатѣе обыкновенныхъ; однакожъ оба они гораздо больше. Обрадовались, когда Ксури увидѣлъ на семъ пути источникъ чистыхъ водъ, и благодарили Бога, что безъ всякихъ опасностей нашли желанное.

Запасшись свѣжею водою достаточно, тотчасъ поворотили они къ своему судну, не желая долгое время мѣшкать на такомъ мѣстѣ, на коемъ ни единой по видимому человѣкъ не обитаетъ. Робинсонъ, не имѣя при себѣ никакихъ инструментовъ для наблюденія широты онаго мѣста, догадкою заключилъ, что сія никѣмъ не обитаемая земля лежитъ между владѣніями Марокскаго владѣльца и Нигриціею, откуда прежніе жители выгнаны, а побѣдители оныхъ по причинѣ ея неплодородія, на ней обитать не могутъ: по чему сія земля осталась убѣжищемъ для львовъ, тигровъ и леопардовъ, и никѣмъ не посѣщаема, кромѣ Арановъ. кои цѣлыми тысячами иногда ѣздятъ туда на охоту, и на дикихъ чудовищъ ополчаются.

Въ слѣдствіе времени часто выходили они на сію землю, и на всемъ берегу не видали ни единыхъ слѣдовъ человѣческихъ. Въ одно утро, ко-

когда они въ семъ самомъ намѣренiи хотѣли стать якоремъ на одномъ мысу и ожидали прилива морскаго, дабы имъ повыше войти можно было, увидѣли они вдругъ чрезмѣрной величины льва, спящаго на песку подъ тѣнiю древесъ. Робинсонъ приказалъ въ шуткахъ молодому Ксури выйти на берегъ и убить онаго звѣря, однако онъ столь сильно его испугался, что со страху, побѣжалъ въ каюту, и въ оной скрылся. Робинсонъ зарядилъ всѣ свои три ружья, и въ каждое положилъ по два заряда, и мѣтилъ прямо въ голову спящаго льва: онъ попалъ въ правую его лапу, которая покрывала его морду, отъ чего левъ проснувшись, съ прежаснымъ ревомъ сѣлъ и началъ осматривать простреленую свою лапу. Робинсонъ безъ всякаго замедленiя схватилъ другое ружье и по щастiю попалъ ему въ голову такъ, что левъ на томъ же мѣстѣ протяиулся. Какъ скоро Ксури увидѣлъ льва убитаго, то и онъ ободрился, и про-

силЪ позволенія выттти на берегЪ и ему совершенно докончать жизнь: но не дождавшись онаго схватилЪ третіе ружье, и бросившись вЪ воду, доплылЪ до берега, уставилЪ свое ружье кЪ львиной головѣ, и выстрѣлилЪ изЪ онаго. Не удовольствовавшись симЪ мужественнымЪ поступкомЪ, хотѣлЪ онЪ ему отрубить голову, однако не имѣя толико силЪ, вмѣсто головы отрубилЪ лапу, и сЪ торжествомЪ принесЪ оную вЪ судно: послѣ сего по согласію Робинсона повергнулся онЪ на мертваго льва и сЪ жесточайшимЪ огорченіемЪ содралЪ сЪ него кожу, какЪ будто бы онЪ хотѣлЪ ему отмстить за причиненной ему страхЪ. Сію кожу высушили они на суднѣ на солнцѣ и она служила имЪ добрымЪ покрываломЪ.

Десять дней спустя послѣ сего произшествія увидѣли они на берегу черныхЪ нагихЪ людей, кои любопытнымЪ окомЪ взирали на судно

Ро-

Робинсона. Робинсонъ хотѣлъ было приближиться къ берегу, но Ксури отсовѣтывалъ ему въ томъ, опасаясь, дабы не быть ими съѣдену: однако онъ не взирая на его страхъ, направилъ судно къ берегу, и увидѣлъ, что при нихъ не было никакихъ оружій, кромѣ того, что одинъ изъ нихъ держалъ небольшую палочку, которую Ксури называлъ смертнымъ копіемъ, и которую они издалека бросаютъ. Робинсонъ подавалъ дикимъ людямъ вѣдать посредствомъ знаковъ, чтобы они нѣчто принесли для него поѣсть: они кивали ему головою, дабы онъ погодилъ и подождалъ ихъ возвращенія. Послѣ сего побѣжали далеко отъ него и черезъ полчаса времени возвратились они паки и принесли съ собою нѣкоторые части сушенаго мяса, которое и подавали съ берега. Однако ни единой изъ сихъ двухъ мореплавателей не осмѣлился принять оное мясо, да и изъ дикихъ людей никто не дерзалъ вручить оное чужестранцамъ. Напо-

послѣдокъ по долговременной другъ ко другу недовѣрчивости приняли дикіе люди мудрое намѣреніе, положили мясо на землю, и удалились отъ него. Ксури увидя сіе, бросился бодрственно въ воду и принесъ подарокъ отъ дикихъ, кои какъ скоро увидѣли, что онъ уже на суднѣ находится, немедленно приступили паки къ прежнему мѣсту берега.

Робинсонъ не могъ имъ иначе возблагодарить за ихъ милость, какъ посредствомъ знаковъ; но въ сіе самое время, какъ они другъ другу покланялись, сбѣжали внезапно съ сосѣдственныхъ горъ два звѣря преслѣдующіе другъ друга. Нагіе дикіе люди, будучи обезоруженны, а наипаче женщины со страхомъ и крикомъ побѣжали прочь, а остался токмо одинъ человѣкъ, тотъ самой, которой держалъ копьецо. Звѣри бросились въ море, и играючи въ ономъ плескались водою: Робинсонъ помѣтилъ своимъ ружьемъ въ ближайшаго звѣря, и убилъ его однимъ

нимъ ударомъ, а другой звѣрь отъ страху побѣжалъ. Да и дикіе люди немало испугались выстрѣла: они отъ трепету не могли бѣжать далѣе, но упали на землю полумертвые. Долгое спустя потомъ время ободрились, встали и боязливо подходили къ берегу, куда Робинсонъ маханіемъ своей руки ихъ приглашалъ. Они ребячески возрадовались, увидя на водѣ кровь текущую изъ звѣря, поднимали отъ удивленія къ небесамъ руки, и помалу осмѣлились его достать изъ воды. Съ неописаннымъ удовольствіемъ вытащили они его на сушу, и начали дѣлить добычу: обвостреннымъ деревомъ прорвали кожу, и принуждали Робинсона, дабы онъ половину мяса себѣ взялъ; однако онъ дружески отозвался отъ сея добычи, поелику не пріобыкъ ѣсть леопардово мясо, а предоставилъ себѣ токмо его кожу. Дикіе люди въ благодарность ему за доставленіе имъ толь преизящнаго пиршества, нанесли ему множество изъ своихъ

съѣст-

съѣстныхъ припасовъ, кореньевъ и нѣкоторой родъ зеренъ, кои много на рожь походили, а по его требованію принесли также двѣ женщины въ одномъ глиняномъ сосудѣ, которой повидимому на солнцѣ былъ сушенъ, въ великомъ изобиліи свѣжей воды, которою Ксури цѣлые три бутылки наполнилъ.

Снабженные толь богатымъ и многоразличнымъ запасомъ мореплаватели, простились съ своими черными друзьями, и принимали отъ нихъ весьма много знаковъ благодаренія за застрѣленнаго Робинсономъ леопарда. Они цѣлые одиннатцать дней потомъ ѣхали къ югу, и повидимому приближились къ Зеленому мысу, которой знаемъ былъ Робинсономъ еще на первомъ его мореплаваніи. Онъ тутъ долгое время размышлялъ, въ которую ему сторону поворотить должно, дабы не сойти съ настоящаго пути, какъ вдругъ Ксури со страхомъ возвѣстилъ ему, что онъ видитъ

видитЪ корабль, и воображалЪ себѢ, что будто наràномЪ араблѢ находится его господинЪ, которой ихЪ преслѢдуетЪ. РобинсонЪ примѢтилЪ, что оный корабль былЪ Португальской, и изЪ всѢхЪ силЪ поспѢшалЪ греблею кЪ нему приближиться, но видя что онЪ плыветЪ весьма быстро, выставилЪ бѢлой платокЪ, и изЪ ружья сдѢлалЪ одинЪ выстрѢлЪ, которой они примѢтили: ибо опустили на своемЪ араблѢ нѢсколько парусовЪ, для ожиданія Робинсона. По прошествіи трехЪ часовЪ подЪѢхалЪ онЪ кЪ кораблю: находившіеся на ономЪ посажиры говорили сЪ нимЪ поиспанскій, попортугальскій и по французскій, но по нещастію онЪ не зналЪ ни единаго изЪ сихЪ языковЪ. НаконецЪ нашелся тутЪ одинЪ матрозЪ изЪ Шотландіи, которой изЪ его рѢчей могЪ уразумѢть, что онЪ АгличанинЪ, и спасся изневольничества, вЪ которомЪ находился вЪ Сале: его приняли весьма ласково купно и сЪ его судномЪ, и радость,

дость, которую онъ чувствовалъ ради своего спасенія и возвращенія къ человѣческому роду, упоила столь сильно его чувства, что онъ въ благодарность предлагалъ корабельщику все свое имущество. Корабельщикъ не принялъ онаго изъ великодушія, но откупилъ унего судно и кожу леопарда, да хотѣлъ также, чтобы онъ и малолѣтнаго Ксури ему продалъ: однако Робинсонъ почиталъ несправедливостію, чтобы продавать вольность юноши, которой ему столь вѣрно служилъ. Но какъ корабельщикъ началъ его о томъ просить неотступно, обѣщевая ему даровать вольность, по прошествіи десяти лѣтъ, если онъ приметъ Христіанской законъ, то Робинсонъ по соизволенію и согласію самаго юноши заключилъ съ корабельщикомъ торгъ. Робинсонъ весьма радовался, что досталъ ему добраго господина, и подалъ надежду къ полученію нѣкогда вольности.

Послѣ сего поѣхали они въ Бразилію, гдѣ корабельщикъ одобрилъ Робинсона одному изъ своихъ друзей, у коего онъ научившись размноженію и дѣланію сахара, получилъ по его представленію право тамошняго гражданина; по силѣ сего права ему опредѣлена была часть необработанной земли, которую насадивъ сахарнымъ ростѣніемъ, нашелъ случай посредствомъ одного Португальскаго купца, что ему за половину своихъ денегъ, кои онъ оставилъ въ Лондонѣ у одного своего сродственника прежде вторичнаго своего въ Гвинею путешествія, въ Бразилію доставлено было Аглинскихъ товаровъ, кои перепродавъ съ двойнымъ барышемъ нажився и сдѣлался довольно зажиточенъ.

Однако никакое на сухомъ пути благополучіе не можетъ быть постоянно и долговременно для человѣка толь непостояннаго сложенія, какого былъ Робинсонъ: склонный

его къ странствованію духъ понудилъ его нарушить свое спокойство, и принять такое намѣреніе, которое было послѣ сего причиною нещастной его жизни.

Онъ сообщилъ нѣкоторымъ своимъ знакомцамъ свое мнѣніе, какимъ образомъ помощію Араповъ, коими тогда еще не весьма великой (*) и токмо къ выгодѣ Испанскаго Короля клонящійся торгъ отправляли, можно разводить съ большимъ прибыткомъ тобакъ и сахаръ. Въ слѣдствіе сего понуждаемые корыстолюбіемъ его знакомцы вознамѣрились произвесть его намѣреніе въ дѣйство; они положили на общемъ иждивеніи вооружить судно и поѣхать въ Гвинею для привезенія оттуда тайно Араповъ въ свои поселенія. При семъ здѣлали они Робинсону предложеніе, дабы онъ въ видѣ купца поѣхалъ на

(*) Сіе было въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія.

ономЪ суднѣ и отправлялЪ торги, поколику онЪ уже бывалЪ вЪ Гвинеи, и зналЪ всѣ тамошнія обстоятельства. А за сіи его труды обѣщали ему дать столькоже невольниковЪ, сколько и каждому изЪ нихЪ достанется, не требуя отЪ него ни малѣйшей суммы для всѣхЪ тѣхЪ издержекЪ, потребныхЪ для сего предпріятія,

ОтЪ такой лестной приманки, человѣкЪ, любящій проводить свою жизнь вЪ толикомЪ странствованіи, ни коимЪ образомЪ не могЪ воздержаться; онЪ охотно оставилЪ все то, что имѣлЪ, и не восхотѣлЪ пользоваться настоящимЪ прибыткомЪ, которой онЪ получалЪ отЪ своихЪ разведеній, но погнался по морю за неизвѣстнымЪ. ОнЪ сѣлЪ на судно, и предался волнамЪ.

Неудивительно, если я возвѣщу читателю, что РобинсонЪ вскорѣ послѣ своего изЪ Гавани выѣзду пре-

терпѣлъ ужаснѣйшую бурю, поелику на морѣ ничто толь часто и легко случиться не можетъ, какъ буря. Сею бурею отнесенъ онъ былъ къ сѣверу къ берегамъ Гвинейскимъ; его судно отъ сильнаго ударенія волнъ было столь много повреждено, и приведено въ такое худое состояніе, что на ономъ ни коимъ образомъ не можно было продолжать своего пути до назначеннаго мѣста. Робинсонъ вознамѣрился было заѣхать въ Аглинское какое либо поселеніе, для починки онаго судна; но вновь возставшая буря тому воспрепятствовала; страхъ мореходцовъ по причинѣ оной бури умножился еще несравненно болѣе, когда они начали опасаться, дабы не быть занесенымъ на берега, на коихъ обитаютъ людоѣды Карлы. Съ трепетомъ и боязнію, для избѣжанія жадности оныхъ звѣронравныхъ людей направили они свой бѣгъ на одно мѣсто, которое имъ твердою землею показалось, и попали въ настоящую опасность;

ность: ибо вмѣсто твердой земли ихъ судно сѣло вдругъ на преужасной величины камень и яростный вѣтръ столь сильно клубилъ волны, что судно со всѣхъ сторонъ получило течь. Свирѣпствованіемъ своимъ они отдирали съ трескомъ цѣлыя доски отъ судна, и вода столь усилилась, что никакого не оставалось болѣе спасенія При каждомъ новомъ колебаніи и новомъ ударѣ судна объ камень всякъ думалъ, что сіе есть послѣдней рѣшительной ударъ; однако напослѣдокъ корабельщикъ бодрственное принялъ намѣреніе сбросить шлюбку въ воду, помощію нѣкоторыхъ матросовъ, и спасся на оной со толькими людьми, сколько въ ней помѣститься могло.

Спасшіеся на упомянутой шлюбкѣ, въ числѣ коихъ находился также и Робинсонъ, хотя и не были совсѣмъ сохраненны отъ опасности; однако имъ казалось, что ихъ погибель еще на нѣсколько времени отсро-

срочена. Шлюбка ни коимЪ образомЪ не могла выдержать бури, хотя она и нарочито утихла: ей не возможно было инымЪ чѣмЪ дать направленіе, какЪ посредствомЪ гребли, но всѣ матросы удрученные, истощили свои силы работою на караблѣ, и не вЪ состояніи были далѣе преодолѣвать трудности, или управлять весломЪ порядочно и надлежащимЪ образомЪ. Однако они собравЪ весь остатокЪ силЪ своихЪ, греблею поспѣшали пристать кЪ землѣ, предавшись опасности, либо брошенными быть на песчаной или каменистой берегЪ, либо попасть вЪ заливЪ, гдѣ они погибели своей избѣжать могутЪ. Посреди сего неизвѣстнаго ожиданія смерти или спасенія вдругЪ превратилась ихЪ боязнь вЪ ужасЪ; преужасной величины, горѣ подобная волна, опрокинула шлюбку, и никакого не оставалось болѣе средства кЪ спасенію, какЪ токмо посредствомЪ плаванія. РобинсонЪ сЪ нѣкоторыми своими товарищами былЪ брошенЪ оною вол-

нюю

ною на берегъ, и безъ чувствъ и памяти лежалъ на песку; какъ же скоро онъ немного очувствовался, то вдругъ вскочилъ, желая спастись отъ новой предстоящей ему опасности, и отъ поглощенія морскихъ волнъ, какъ въ тоже самое время несравненно большая прежней волна охвативъ его, погрузила паки въ воду, и отнесла отъ берега, такъ далеко, что онъ принужденъ былъ паки плаваніемъ до него добираться: волны то въ задъ то въ передъ его относили, и онъ боролся съ ними съ послѣднимъ напряженіемъ своихъ силъ, какъ напослѣдокъ съ чувствительнѣйшимъ ударомъ брошенъ былъ на камень, за которой онъ для отдохновенія своего всѣми силами ухватился. Но какъ и сей камень не много обѣщалъ ему отрады, ибо на каждую минуту долженъ былъ ожидать себѣ новой отъ волнъ напасти: то онъ съ отчаяннымъ духомъ бросился съ него въ воду, плылъ до близь лежащаго высокаго берега, и съ величайщимъ тру-

трудомъ влѣзши на оной, повергнулся безъ чувствъ и смерти подобномъ безпамятствіи на землю.

Пришедъ самъ въ себя изъ памятственнаго сего усыпленія, всѣ чувствованія радости обьяли его душу: онъ долгое время сидѣлъ въ изумленіи, подобномъ глубокому сну, прежде нежели могъ подумать о своихъ товарищахъ, и о томъ, на какое онъ попалъ мѣсто. Онъ не видѣлъ ни единаго изъ нихъ живаго, ни мертваго; но много спустя времени, потомъ нашелъ нѣкоторые отрывки отъ ихъ одежды.

Однако радость, которою онъ былъ упоенъ, видя свое избавленіе, вскорѣ миновалась и уступила мѣсто печальнѣйшимъ размышленіямъ. Сколь ужасно было его тогдашнее состояніе! въ раздранномъ рубищѣ, не имѣя никакой пищи, и безоружный сидѣлъ онъ на землѣ въ такой пустынѣ, въ коей ни малѣйшихъ слѣ-

довъ

довъ человѣческихъ не было. Онъ хватился въ карманъ свой, и нашелъ въ немъ только ножикъ, курительную трубку и не большое количество помоченнаго табаку. — Весьма бѣдственное вспоможенiе для изнуреннаго человѣка!

Съ глубокомыслiемъ и въ отчаянiи поднявшись съ земли, пошелъ онъ искать чего нибудь такого, которое бы могло нѣкоторымъ образомъ утолить его голодъ и жажду. И къ чрезмѣрной своей радости нашелъ по щастiю свѣжую воду: сею водою утолилъ онъ свою жажду; но для усмиренiя своего голода не обрѣталъ ничего, развѣ бы захотѣлъ подовольствоваться листьями и травою. По наступленiи ночи, взлѣзъ онъ для охраненiя себя отъ дикихъ звѣрей на густое подобное ели дерево, взявши съ собою вмѣсто оружiя дубину: тутъ прочистивъ ножикомъ ложе свое отъ тернiевъ, привязалъ себя вѣтвями сколь можно крѣпко къ де-

реву, и тотчасъ заснулъ глубокимъ сномъ. — Да какъ бы могъ сей злощастной мореходецъ безъ смертнаго ужаса взирать на всѣ страшные въ оной пустынѣ предметы, если бы благодѣющій сонъ не принялъ его въ свои обьятія! На сей общирной пустынѣ не находилось почти никакихъ деревъ, развѣ токмо по нѣкоторымъ мѣстамъ, и въ дальнемъ одно отъ другаго разстояніи, и кои въ ту самую пору въ глубочайшемъ погружены были мракѣ! Тамъ не слышно было на пѣнія птицъ, ниже другаго какого отголоска; но царствовала повсюду страшная тишина, а вдали раздавались только волны, объ камни ударяющіяся. По верхъ оной пустыни стояли мрачныя облака, кои ни малѣйшаго по видимому не имѣли движенія, но всегда такъ сказать готовы были прорваться. Коль страшное было бы сіе зрѣлище для сего злощастнаго, если бы онъ лежа на деревѣ въ утомленіи, проводилъ ночь безъ сна!

Но слѣдующаго утра по его пробужденіи отъ сна, сколь пріятное представилось ему позорище: онъ увидѣлъ свѣтлое и ни единымъ облачкомъ не помраченное небо; солнце блистало во всемъ своемъ сіяніи; его зной умѣряемъ былъ прохладнымъ и тихимъ вѣтеркомъ; вдали же видно было ровное и волнами не обуреваемое море. — Всѣ сіи предметы придали ему новыя силы; онъ взлѣзъ на самую вершину того дерева, на коемъ ночевалъ, и долгое время наслаждался симъ прелестнымъ зрѣлищемъ, съ толь чрезмѣрнымъ восхищеніемъ, какъ чувствовать можетъ человѣкъ, боровшійся съ бурею и смертію. Онъ къ большему еще своему удовольствію узрѣлъ, что судно, на коемъ онъ ѣхалъ, принесено было ближе къ берегу, и повидимому твердо стояло на песку. По семъ открытіи первое его желаніе было то, чтобы пойти на судно и взять съ онаго нужные для себя припасы: чего ради и устремилъ на сей предметъ все свое вниманіе. Пре-

Прежде всего сталъ онъ искать той шлюбки, на которой за день до того предъ симъ принесенъ былъ къ сей пустынѣ; и въ семъ намѣренiи ходя вдоль по берегу, наконецъ увидѣлъ ее дѣйствительно: но сильное морское теченiе отдѣляло ее отъ берега, по чему теперь и не осмѣлился ни коимъ образомъ къ ней поплыть. Да и къ кораблю плыть было равнымъ образомъ не возможно, по причинѣ его отдаленiя и быстраго воды стремленiя, по чему принужденъ былъ все утро проводить въ пустыхъ замыслахъ, тщетной надеждѣ и въ напрасномъ трудѣ. Онъ пошелъ было искать какой нибудь пищи для утоленiя своего голода около того мѣста, гдѣ ночевалъ; однако безъ всякаго успѣха воротился назадъ къ берегу. Пришедъ на оной, увидѣлъ онъ, что море въ сiе самое время несравненно болѣе прежняго убыло; по чему ободрившись бросилъ съ себя одежду на землю, и приближился при сильнѣйшемъ солнеч-

нечном зноѣ къ водѣ, желая найти въ оной либо смерть, либо живот. Онъ благополучно доплылъ до корабля, но увидѣлъ, что дошелъ до него понапрасну: ибо корабль стоялъ на мѣли твердо и притомъ столь высоко, что никакъ не можно было на него взойти. Безсиліе, въ какомъ онъ тогда находился, не дозволяло ему плыть назадъ; но гибнуть, либо не свершивъ дѣла, возвратиться паки въ пустыню, было какъ одно, такъ и другое для него одинаково страшно; и онъ хотѣлъ было уже отважиться на послѣднее, какъ вдругъ по случаю увидѣлъ конецъ веревки на передней части корабля, которая глубже въ водѣ лежала нежели корма. Онъ всѣми силами старался достать оную, и по несказанномъ трудѣ помощію оной веревки подымаясь по малу выше, напослѣдокъ добрался до самаго верьху онаго. Прежде всего бросился онъ въ тотъ чуланъ, въ коемъ находились съѣстные припасы; онъ нашелъ, что боль-

шая часть оныхъ не повреждена была, и онъ подкрѣпилъ ими ослабленные свои члены. Пообѣдавъ, пошелъ далѣе, въ надеждѣ обрѣсти еще другихъ какихъ запасовъ, и нашелъ въ большой каютѣ склянку вина, котораго съ жадностію выпивъ, бѣгалъ въ задъ и въ передъ по кораблю съ восхищеннымъ проворствомъ. И такъ нынѣ ничего болѣе не доставало, кромѣ того средства, какимъ бы образомъ ему можно было перенести сіе сокровище на матерую землю, и сохранить оное отъ новыхъ злополучій. Для сего намѣренія ничто не могло ему болѣе служить въ пользу, какъ плотъ по недостатку шлюбки. Почему началъ отбирать изъ корабля доски, палки, бревна, пилы и сему подобные инструменты, и снабдѣнъ будучи всѣмъ нужнымъ, приступилъ къ работѣ.

Напередъ бросилъ онъ въ воду четыре бревна, кои были веревками къ кораблю привязаны, дабы они не уплы-

уплыли; потомъ сошелъ онъ и самъ въ воду, потащилъ ихъ за собою, и связавъ ихъ съ обоихъ концовъ накрѣпко веревками, положилъ на нихъ доски, что составило дѣйствительной плотъ, накоторомъ ему безопасно плавать было можно; однако дерево будучи весьма легкое, не могло поднимать большой тяжести, для сей причины перепилилъ онъ всѣ остальныя бревна въ длину на три части, и въ равномъ разстоянiи положилъ оныя на плотъ, а на оныя наклалъ всѣ доски, сколько ихъ въ кораблѣ находилось. По окончанiи сей работы сталъ онъ перевозить, напередъ то, въ чемъ ему наипаче была нужда. Но поелику съѣстные припасы не осмѣлился просто положить на плотъ, дабы они отъ морской воды не попортились, то взявши три сундука, и выломивъ у оныхъ замки, и выпорожнивъ, наполнилъ ихъ корабельными сухарями, сыромъ, сушенымъ мясомъ и нѣсколькимъ количествомъ Европейскаго

жита, которое опредѣлено было для корму курицъ и другихъ домашнихъ птицъ. Онъ не забылъ также взять съ собою араку и другихъ напитковъ, кои на кораблѣ находились.

Во время сего упражненія примѣтилъ онъ, что приливъ морской мало помалу умножался; и какъ онъ воспомнилъ, что оставилъ на берегу свое платье, которое удобно уплыть можетъ, то прежде всего взялъ для запасу съ корабля нѣсколько одежды или паче тюй матеріи, изъ которой платье дѣлать можно. Потомъ наклалъ довольное число плотничьихъ орудій, и другихъ желѣзныхъ инструментовъ, кои ему необходимо нужны были для постройки хижины и для обработыванія земли. Напослѣдокъ нагрузилъ онъ плотъ ружьями, порохомъ и пулями и съ сею богатою добычею помышлялъ благополучно доѣхать до берега, что ему много причиняло трудностей.

Однако онъ довольно много ободрился, когда увидѣлъ, что всѣ обстоятельства благополучной перевозъ обѣщевали: ибо море было спокойно и ровно приливъ подымался къ берегу и слабый вѣтръ въ онуюже дулъ сторону, почему нимало не медля обрубилъ веревки, коими плотъ къ кораблю былъ привязанъ, и отвалилъ со богатымъ своимъ грузомъ. Отломокъ отъ весла служилъ ему вмѣсто руля для вожденія его судна. У него не доставало паруса, почему принужденъ былъ предать себя произволу вѣтра и прилива, и такъ съ боязливымъ ожиданіемъ, на подобіе такого человѣка, которой на каждую минуту опасается, дабы море не поглотило его пожитки, на кои онъ послѣднее свое возлагаетъ чаяніе, потихоньку приближался къ берегу.

Да и дѣйствительно Робинсонъ былъ весьма не осторожень: ибо когда ему напередъ извѣстно было, что перевозъ на плотѣ для него

будетъ труденъ и не весьма безопасенъ, то по что онъ на свое не надежное судно положилъ вдругъ множество запасу? По что онъ неразделилъ его и не перевозилъ по частямъ, когда паче чаянія одна часть потонетъ, тобы онъ могъ при другомъ случае и другую перевезть? —— Правда при таковыхъ случаяхъ не возможно размышлять о домоводстве; но человекъ обыкновенно тогда во всемъ поступаетъ съ некоторою безразсудною торопливостію: либо можетъ быть и на корабле довольно запасу еще находилось въ остатке, такъ что онъ могъ наградить убытокъ, еслибъ первой его перевозъ былъ неудаченъ. Но довольно сказать, что Робинсонъ нагрузилъ свой плотъ всемъ темъ, что токмо на оной перетаскать могъ, предавшись опасности, либо вдругъ обогатиться, либо вдругъ лишиться всего своего богатства.

Онъ долгое время ехалъ на своемъ плоте благополучно; однако стре-

стремленіе воды помалу далѣе его относило отъ того мѣста, на которомъ онъ свое платье оставилъ; и сіе заставило его думать, что теченіе воды неотмѣнно принесетъ его къ сей странѣ. Да и дѣйствительно такъ случилось: онъ вскорѣ усмотрѣлъ небольшой заливъ въ твердой землѣ, въ которой устремлялось морское теченіе. И такъ направилъ въ оной свой плотъ, желая держаться самой средины морскаго теченія; однако не вѣдая свойства сего берега, весьма ошибся въ своемъ мнѣніи. Его плотъ сверьхъ чаянія попалъ на мѣлкое дно, и едва неопрокинулся, поелику онъ съ другаго конца не на твердомъ стоялъ мѣстѣ. Онъ изо всѣхъ силъ отталкивался отъ береговъ, но безъ всякаго успѣха. И принужденъ былъ цѣлые полчаса находиться въ семъ трудномъ положеніи, и ожидать по тѣхъ поръ, покамѣстъ прибылая вода не подняла его плота и не привела оной въ движеніе. Послѣ сего

паки попалъ онъ греблею на прямой путь, и вошелъ въ устье одной небольшой рѣчки, у которой по обѣимъ сторонамъ земля весьма была возвышенна. Но какъ онъ не желая далеко удалиться отъ береговъ въ той надеждѣ, что можетъ быть вскорѣ увидитъ какій нибудь идущій по морю корабль, которой его преселитъ въ сообщество людей; то искалъ онъ въ самомъ устьѣ рѣки такого мѣста, къ которому бы удобно пристать могъ, и увидѣлъ на правой сторонѣ берега не большой заливъ, въ которой съ несказанною трудностію завелъ свой плотъ, и въ коемъ столь мѣлко было, что онъ дно могъ доставать весломъ, и плотъ свой онымъ отталкивать. Но въ то самое время, какъ онъ думалъ, что всѣ уже преодолѣлъ затрудненія, изъ тороплибости едва не лишился всего своего груза. Ибо желая съ жадностію пристать къ берегу, не разсудилъ онъ, что та часть плота, которую

онъ

онЪ подвигалЪ кЪ берегу, столь высоко поднялась, что на другой сопротивной оной части, лежавшей несравненно ниже, весь грузЪ принужденЪ былЪ свалиться. По щастію примѣтилЪ онЪ заблаговременно сію предстоящую опасность, и предупредилЪ ее тѣмЪ, что весло подставивЪ подЪ плотЪ, держалЪ оное до тѣхЪ порЪ, покамѣстЪ приливЪ морской, которой тогда умножался, не посадилЪ его на твердую и ровную землю; тутЪ стоялЪ онЪ неподвижно, дожидаясь убылой воды, и не прежде сошелЪ сЪ плота, какЪ морской отливЪ совсѣмЪ осушилЪ подЪ нимЪ дно.

Первое его попеченіе послѣ сего удачливаго предпріятія было то, чтобы избрать безопасное какЪ для себя, такЪ и для своего запаса жилище. ОнЪ не вѣдалЪ еще, на матерой ли онЪ землѣ или на островѣ находится на обитаемой, или на необитаемой землѣ между людьми, или

между звѣрьми. Въ таковое углубясь размышленіе, увидѣлъ онъ не подалеку отъ берега небольшую гору, которая была выше всѣхъ другихъ, къ сѣверу лежащихъ. Онъ оставивъ сіе на берегу, пошелъ на оную безъ дальнихъ сѣтованій, взявъ съ собою ружье, пистолетъ и пороху. Онъ взлѣзъ на вершину оныя съ величайшею трудностью, и спозналъ на оной свою судьбину, увидя, что онъ находится посреди моря на не весьма великомъ, пустомъ, неплодородномъ и повидимому необитаемомъ островѣ; вдали не могъ онъ усмотрѣть ни какой земли, кромѣ нѣкоторыхъ подводныхъ камней и двухъ не большихъ острововъ, лежащихъ къ западу на три или на четыре мили. Послѣ сего Робинсонъ пошелъ съ горы, гораздо спокойнѣе прежняго, когда онъ по всему вѣроятію могъ нынѣ знать чего ему ожидать должно будетъ. На пути оглядывался онъ на обитателей сего острова, и видѣлъ въ разныхъ мѣстахъ множес-

тво различныхъ птицъ; онъ выстрѣлилъ по одной птицѣ, сидѣвшей на деревѣ, и трескъ, произшедшей отъ онаго выстрѣла, привелъ всѣхъ птицъ въ великое движенiе, отвсюду поднялись многочисленные стада птицъ, съ крикомъ и шумомъ кружились по воздуху, на подобiе армiи, коей пушечная польба предвѣщаетъ приближенiе непрiятеля; однако онъ ни единую изъ нихъ не видалъ такую, которыя бы голосъ, цвѣтъ и видъ ему были извѣстны. А та птица, которую онъ убилъ, была хищная, но походила на нашего ястреба, и вкусомъ весьма противна.

По своемъ съ сея охоты возвращенiи перенесъ онъ все свое сокровище съ плота въ такое мѣсто, которое ему удобнѣйшимъ показалось жилищемъ; онъ изъ опасенiя къ дикимъ звѣрямъ не осмѣлился проводить ночь на землѣ, и притомъ не хотѣлъ также и свои запасы на оной оставить. Но ночь рѣшила его нерѣшимость:

онъ не вѣдая болѣе что начать, вдругъ вздумалъ то средство, что всѣ сундуки и доски поставилъ въ одинъ кругъ, а себѣ пріуготовилъ шалашь въ самой срединѣ оныхъ.

Видноже по всей вѣроятности, что въ сей пустынѣ долгое принужденъ будетъ жить время, почелъ за полезное, сколько возможно предъупредить свои недостатки, и для сего вознамѣрился при наступающемъ морскомъ отливѣ другое предпринять къ кораблю путешествіе. Онъ на другой день благополучно доплылъ до корабля, гдѣ составилъ новой плотъ, поелику стараго плота съ собой не взялъ по причинѣ труднаго перевоза. На семъ новомъ плотѣ перевезъ онъ различныя желѣзныя вещи, какъ то гвозди, топоры, точильной камень, ружья, пули, парусы и канаты. Онъ во время своего отсудствія, весьма опасался, дабы какой нибудь дикой звѣрь не посѣтилъ его запасной анбаръ; однако

нако по своемъ возвращеніи не примѣтилъ онъ ни малѣйшихъ слѣдовъ, кромѣ того, что увидѣлъ на сундукѣ одно небольшое животное, которое походило на дикую кошку, и которое тотчасъ при его приближеніи соскочило съ сундука, однако прочь не побѣжало. Онъ нацѣлилъ на нее свое ружье, котораго однако она изъ невѣденія его не испугалась, но сидѣла безбоязненно, и быстро на него взирала. Робинсонъ будучи тронутъ сею довѣреностію, которую оное животное ему изъявило, старался ласкою его приманить; онъ бросилъ ей кусокъ сухаря, которой оно съ благодарственною жадностію съѣло; потомъ приближась къ нему, ожидало еще подобныхъ знаковъ его дружбы; однакожъ Робинсонъ не желая ее лишить жизни, и тщетно притомъ тратить свой запасъ, отогналъ ее отъ себя.

При семъ вторичномъ Робинсона къ кораблю путешествіи, запасся

 онъ

онъ такими вещьми, кои въ слѣдующія времена довольно его утѣшать могли: изъ парусовъ можно было ему сдѣлать шатеръ, и въономъ сохранять свой запасъ отъ дождей и зною, да и самъ также въ ономъ отъ непогодъ сокрыться можетъ. Онъ немедленно оной сдѣлалъ, перенесъ туда все свое имущество, а вокругъ шатра поставилъ пустые бочки и сундуки вмѣсто полисадника; заставилъ входъ въ оной и внутри досками, а извнѣ положилъ сундукъ къ верху дномъ; потомъ разослалъ свой тюфякъ, которой онъ нашелъ на кораблѣ, и положивъ въ головахъ два пистолета и одно ружье съ зарядомъ, въ первой разъ заснулъ подъ чужимъ климатомъ на Европейскомъ ложѣ.

Запасу у него было хотя и весьма много, однако ненасытимость человѣческихъ желаній и попеченіе о будущемъ побуждали его еще неоднократно ѣздить на разбитой корабль,

рабль, которой стоялъ на мѣли не подалеку отъ острова; и на шестой своей поѣздкѣ нашелъ онъ по щастію одну бочку хлѣба, три боченка рума и немного крупичетой муки. Но и сего не было ему довольно; онъ хотѣлъ весь корабль по частямъ перенесть къ себѣ на островъ; и одинъ разъ нагрузилъ съ таковою жадностію свой плотъ, что едва не лишился жизни: ибо когда онъ входилъ въ заливъ, куда обыкновенно приставалъ, то внезапно опрокинулся плотъ, и онъ со всею своею добычею певергся въ воду; онъ выплылъ послѣ сего благополучно на землю, которая не весьма далеко отстояла, и во время наступившаго морскаго отлива, вытащилъ на берегъ все свое потопавшее имѣніе.

По совершеніи одиннатцати на корабль путешествій, пріуготовился онъ было и къ двенатцатому, какъ вдругъ поднялся вѣтеръ; не взирая на оной поплылъ онъ къ кораблю,

гдѣ нашелъ токмо нѣсколько ножей и 50 фунтовъ стерлинговъ золотыхъ наличныхъ денегъ. „ О сколь много „ я теперь чувствую, подумалъ онъ „ самъ въ себѣ, что деньги суть „ токмо единой знакъ нужды, а не „ самую нужду составляютъ! Въ мо- „ емъ теперешнемъ состоянiи и самой „ худшiй кусокъ желѣза мнѣ гораздо „ нужняе, нежели цѣлой возъ золо- „ тыхъ и серебреныхъ денегъ; ко- „ лико тысячь людей ищутъ ихъ съ „ жадностiю, попирая добродѣтель, „ дабы токмо доставить себѣ благо- „ состоянiе и способность: теперь по- „ зналъ я, что мое состоянiе не „ столь само по себѣ нещастно, какъ „ то я себѣ воображалъ: ибо не имѣю „ нужды въ деньгахъ, толь необхо- „ димой для людей вещи. „ —— Одна- ко не взирая на сiе утѣшительное умствованiе, не могъ онъ по старой своей привычкѣ преодолѣть себя, чтобы не сохранить сей безполезной для него металлъ; но въ надеждѣ, возвратиться когда либо въ сообще-

ство человѣковъ, гдѣ деньги естьс амая нужная вещь, завернулъ онъ оные въ лоскутъ паруса и взялъ съ собою на землю. Между симъ временемъ небо покрылось облаками, онъ было хотѣлъ сдѣлать плотъ, однако вѣтръ столь усилился, что принужденъ былъ сіе намѣреніе оставить и помышлять, какимъ бы образомъ благополучнѣе перебраться въ свое жилище прежде морскаго прилива. Онъ плылъ съ великою опасностію и съ великимъ затрудненіемъ, наипаче когда онъ по своей жадности весьма многимъ нагрузился. Однако въ надлежащее время и безъ всякихъ злоключеній присталъ къ берегу; послѣ сего поднялась пресильная буря, продолжившаяся цѣлую ночь, а поутру не виденъ уже былъ болѣе на мѣли корабль, которой погодою унесенъ, и на мѣлкіе разбитъ былъ части.

Робинсонъ хотя и не имѣлъ уже въ немъ великой нужды, однако при семъ позорищѣ ужаснулся, отчасти

части изъ прежней своей къ нему склонности, которая простирается въ людяхъ даже и до безодушевленныхъ вещей, буде мы единственно съ ними упражняемся, а отчасти что чрезъ его разрушенiе уменьшились въ немъ его нужды, его желанiя и слѣдственно также его упражненiе: теперь спозналъ онъ изъ опытовъ, что его размышленiе при видѣ на кораблѣ золота, было неправедно; но что главнѣйшая для человѣка участь должна быть та, чтобы имѣть много нуждъ и чрезъ оные здѣлаться трудолюбивѣе и щастливѣе.

И такъ буря лишила всѣхъ его упражненiй унесенiемъ корабля, и онъ принужденъ былъ другимъ чѣмъ небудь заниматься, къ чему его состоянiе много ему случаевъ представляло. Онъ усмотрѣлъ, что то мѣсто, на коемъ онъ расположился, сопряжено со всѣми неудобствами: ибо мѣсто было болотистое и лежало въ со-

сосѣдствѣ съ моремъ; вблизи не имѣлось свѣжей воды, и сверхъ того ничто не предохраняло его отъ солнечнаго зною и погодъ; всѣ обстоятельства вредные, для здоровья и способности противные: и ему неотмѣнно надлежало избрать иное для себя мѣсто. Въ сихъ мысляхъ оглядывался онъ вокругъ и увидѣлъ небольшую травяную долину близъ довольно крутой, однако не весьма высокой горы; сія долина имѣла всѣ возможныя выгоды, и ни единое мѣсто на всемъ островѣ не могло быть способнѣе для обитанія. —— Гора прикрывала прямо ту сторону, въ которой солнечные лучи наиболѣе дѣйствовали; другая сторона, лежащая къ морю, прохлаждаема была тихими вѣтрами, и притомъ завсегда море видно было съ оной такъ, что ни единой корабль не можетъ пройти мимо, котораго бы въ сей долинѣ примѣтить было не возможно: онъ въ семъ мѣстѣ могъ быть также безопасенъ отъ дикихъ

звѣрей

звѣрей и людей, такаго стоило ему труда остальную часть пространства, обнести полисадникомъ.

Робинсонъ и учинилъ сіе самое; онъ избралъ себѣ на сей долинѣ мѣсто, которое содержало въ длину и ширину сто шаговъ, и оградилъ оное съ одного конца горы до другаго кольями въ два ряда, а промежь оныхъ кольевъ наклалъ оставшіеся съ корабля канаты и доски, коихъ у него довольно на сіе дѣло стало: для большей крѣпости сея ограды къ кольямъ прибилъ онъ извнутри подпоры, такъ что сей тынъ походилъ на градскую стѣну. Отверстаго входа онъ ни коимъ образомъ сдѣлать не осмѣливался, но сработалъ небольшую лѣсницу, по которой выходилъ и входилъ въ ограду.

Для собственнаго своего жилища сдѣлалъ онъ два шатра; одинъ не весьма великой, которой, какъ, то

уже

уже упомянуто было, состоялЪ изЪ парусовЪ, а другой большой изЪ оныхЪ же парусовЪ, но сверхЪ того покрытЪ былЪ смоленымЪ толстымЪ холстомЪ. Сія предосторожность была весьма нужна, потому что вЪ семЪ мѣстѣ вЪ извѣстныя времена года были частые и весьма сильные дожди.

РобинсонЪ часЪ отЪ часу поправлялся вЪ своемЪ домоводствѣ; между прочимЪ взялЪ онЪ сЪ корабля тюфякЪ, на коемЪ могЪ спать сЪ большею способностію, нежели на влажной землѣ. Однако между тѣмЪ принужденЪ былЪ всѣ сЪѣстные и другіе припасы, кои отЪ мокроты портятся, держать вЪ своемЪ шатрѣ по тѣхЪ порЪ, покамѣстЪ не нашелЪ онЪ время сдѣлать вЪ пещерѣ горы годный для сохраненія оныхЪ чуланЪ. Землю и камни, кои онЪ изЪ оной вырывалЪ, употреблялЪ онЪ аки искусной строитель для укрѣпленія своея деревянныя стѣны: онЪ осыпалЪ ею средину кольевЪ, и сдѣлалЪ

себѣ довольно возвышенной земляной валъ.

Столь великая и частая работа требовала много времени, труда и безпокойства, а особливо въ толь жаркой странѣ, въ какой онъ тогда находился: сверьхъ того присоединились къ тому такіе случаи, кои его отъ главнѣйшей работы отвращали, чрезъ что много принужденъ былъ терять времени въ одинъ день. Какъ онъ полагалъ основаніе шатру своему, вдругъ пролился весьма сильной съ грозою дождь, и молнія неподалеку отъ него ударила въ одно дерево съ преужаснымъ трескомъ. Робинсонъ въ самомъ своемъ отъ страха изступленіи прежде всего вспомнилъ вдругъ о своемъ порохѣ, которой составлялъ и нужнѣйшій для него запасъ, посредствомъ коего долженъ былъ себя охранять и пропитать. Безъ малѣйшаго медлѣнія раздѣлилъ онъ свой порохъ на многія части, и спряталъ оные по разнымъ мѣ-

стамъ

стамъ въ пещерѣ и въ землѣ, гдѣ ему токмо довольно безопаснымъ казалось, дабы онъ по крайней мѣрѣ всего не лишился, если какое нещастіе съ его жилищемъ приключится. При другомъ воспослѣдовавшемъ потомъ сильномъ дождѣ примѣтилъ онъ, что жилище его весьма удобно наводняемо быть можетъ: ибо внутри ограды накопилось весьма много воды, такъ что онъ принужденъ былъ дѣлать въ стѣнѣ отверстія, а внѣ оныя копать рвы, для удобнѣйшаго водъ стеченія.

Сверхъ сего надлежало ему каждой день ходить на ловлю, для сысканія себѣ пищи и для познанія звѣрей, птицъ земныхъ, произведеній обитаемаго имъ острова. При первомъ своемъ выходѣ увидѣлъ онъ дикихъ козъ, кои добрую ему обѣщевали пищу, однако ихъ боязливость, бдѣніе и проворство было причиною, что онъ никогда не могъ ихъ поймать въ своихъ сѣтяхъ, покамѣстъ

мѣстѣ напослѣдокъ изъ долгихъ наблюденій не нашелъ надежнаго и настоящаго средства. Онъ примѣтилъ, что сіи животныя, когда они на горахъ стоятъ выше его, то сколь бы онъ далеко ни находился, то всегда его приближеніе чувствуютъ, и быстро прыгая по горамъ и по долинамъ скрываются отъ него; еслиже напротивъ того онъ выше ихъ находиться будетъ, и когда они пасутся на долинахъ, то они допускаютъ его близко къ себѣ подходить и совсѣмъ не чувствуютъ его приближенія. Изъ сего толь достовѣрнаго опыта заключилъ онъ, что сіи животныя въ вышшемъ положеніи должны имѣть болѣе обонянія, либо сложеніе ихъ глаза таково, что они токмо въ низъ, а не вверхъ смотрѣть могутъ, и что ему надобно, дабы ихъ убивать и извѣдать ихъ жилища, всегда ходить на горы. — Вскорѣ послѣ сего убилъ онъ одну козу, которая бѣгала со своимъ козленкомъ. Сей молодой козленокъ со

всемъ

всѣмъ не испугался выстрѣла, но стоялъ неподвижно близъ своей матери, и слѣдовалъ за нею въ жилище Робинсона, которой ее на плечахъ туда тащилъ: потомъ остановился онъ у лѣсницы, которая находилась у ограды и стоялъ по тѣхъ поръ, покамѣстъ Робинсонъ не перекинулъ его мать на другую сторону; послѣ сего допустилъ и себя взять добровольно въ руки и перенесть чрезъ ограду. Весьма охотно желалъ бы Робинсонъ сіе бѣдное осиротѣвшее животное воспитывать, дабы въ немъ имѣть себѣ сотоварища, такое оживленное существо, которое раздѣлялобы его сердце и любовь; однако козленокъ былъ еще весьма малъ, и не могъ пріобыкнуть къ другой какой пищѣ, кромѣ молока матерняго; и такъ принужденъ онъ былъ наконецъ, дабы козленокъ безъ всякой пользы не издохъ, собственными своими руками его умертвить и употребить себѣ на пищу.

По щастію Робинсонъ вскорѣ послѣ своего поселенія на семъ острове вздумалъ сдѣлать календарь и замѣчать время. Онъ зналъ тотъ день, въ которой онъ попалъ на оной, и зарубилъ его на толстомъ и гладкомъ столбѣ, а послѣдовавшее потомъ воскресеніе замѣтилъ длинною чертою; послѣ сей черты каждой день при своемъ пробужденіи означалъ маленькою, а каждой седьмой день, то есть Воскресеніе большою чертою: по чему всегда зналъ какой день въ недѣлѣ. Сей столбъ поставилъ онъ передъ шатеръ, дабы имѣть его всегда предъ глазами, и не забыть объ означеніи времени. Какъ же скоро по его изчисленію минетъ одинъ мѣсяцъ, то первой день послѣдующаго мѣсяца означалъ чертою во весь столбъ, а при оной вырѣзывалъ и имя того мѣсяца.

При таковыхъ обстоятельствахъ его состояніе не было столь плачевно какъ то по описанію кажется, и

какъ

какъ то можетъ быть онъ самъ себѣ воображалъ. Величайшая подпора человѣческаго блаженства есть обыкновеніе: и сему обыкновенію нужно было прежде всего истребить изъ его мыслей все то, что въ семъ жилищѣ непріятнымъ казалось, а послѣ сего не трудно уже будетъ ему обрѣсти въ ономъ и доброе и пріятное. Принаравливаться ко всякому состоянію, и ни въ единомъ не приходить въ отчаяніе, суть двѣ главнѣйшія тайны: а кто оныя знаетъ, тотъ знаетъ въ свѣтѣ жить. Однако Робинсонъ оныхъ либо изъ опытовъ не извѣдалъ, либо не зналъ ихъ употребить въ пользу. —— Съ самаго начала его на семъ островѣ пребыванія, упражненія его были столь велики, что ему со всѣмъ не доставало время на размышленія; онъ почти всю свою жизнь проводилъ въ тягчайшихъ работахъ и въ глубокомъ снѣ. Но по окончаніи нужнѣйшихъ своихъ заведеній, оставалось у него иногда время, въ кото-

рое съ покоемъ могъ помыслить о своемъ состоянiи: тутъ пробудились всѣ силы его разума, и представляли ему его состоянiе толь горестнымъ, каковымъ онъ по причинѣ множества прежнихъ своихъ упражненiй можетъ быть себѣ совсѣмъ не воображалъ. Паче всего безпокоился онъ о будущемъ; онъ мысленно представлялъ себѣ свое злополучiе, которое неотмѣнно ему приключится, когда у него не достанетъ пороху, и когда изойдетъ весь съѣстной припасъ; что онъ начнетъ тогда дѣлать, и какая злая будетъ его участь? сiи мысли столь сильно тревожили духъ его, что онъ весь дрожалъ отъ страху, и въ безпамятствiи искалъ во снѣ успокоенiя онымъ.

Однако сiе страшное воображенiе истребилось по малу изъ его мыслей, и онъ сталъ все свое вниманiе обращать болѣе на настоящее. Если злощастной человѣкъ одинажды дошелъ до щого, что онъ въ своемъ состоянiи

янїи всевозможное добро найти старается, тогда уже не есть онъ болѣе нещастенъ, но напослѣдокъ можетъ вознегодовать и на тѣхъ, кои его щасливымъ не почитаютъ.

Правда, что у него не имѣлось самонужнѣйшихъ для обработыванія земли орудіевъ; у него не было ни граблей, ни бороны, ниже лопаты, для дѣланія платья не было у него ни иглы, ниже нитокъ; однако въ семъ жаркомъ климатѣ въ платьѣ не великую имѣлъ нужду, потому что большую часть года ходилъ нагъ, выключая нѣкоторыя дождливыя времена. Перьевъ и чернилъ было у него весьма мало, да и тѣ изошли на описаніе важнѣйшихъ упражненій и приключеній.

Недостатокъ въ нужныхъ вещахъ, причинилъ великое затруднѣніе въ его работѣ, которая по сей причинѣ и продолжительна была, такъ что надъ полисадомъ и укрѣпленіями цѣлой годъ трудился.

По большей части употреблялЪ онЪ на срубку дерева вЪ лѣсу и вЪ приготовленіи онаго два дни, а на вкапываніе вЪ землю одинЪ день.

И такЪ наконецЪ онЪ работу свою совершилЪ, а нужда и искусство научитЪ его впредь поправлять и приводить вЪ совершенство тамЪ, гдѣ оно надобно было. ОнЪ выложилЪ стѣну снаружи торфомЪ, и отЪ дождя сдѣлалЪ крышку между стѣною и палаткою, изЪ кольевЪ и сучьевЪ.

ПогребЪ сдѣлалЪ онЪ нѣсколько попространнѣе; и какЪ гора состояла изЪ мягковатаго камня, то прорылЪ онЪ выходЪ внѣ палисада для удобнѣйшаго входа вЪ свое жилище, и хорошаго расположенія своихЪ припасовЪ.

СтолЪ и стулЪ, яко нужнѣйшія для Европейца вещи, сколотилЪ онЪ изЪ досокЪ. ПогребЪ служилЪ у него

также и оружейною палатою, и вездѣ виденъ былъ порядокъ и чистота.

Дни раздѣлилъ онъ слѣдующимъ образомъ: по утру въ хорошую погоду забавлялся онъ часа два охотою, потомъ до полудни работалъ, потомъ обѣдалъ, а послѣ обѣда по причинѣ несноснаго зноя спалъ, наконецъ же вставши работалъ до тѣхъ поръ, пока голодъ и сонъ не позывалъ на покой.

Онъ скоро нашелъ товарища, и случай научилъ его тому, чего бы онъ со всѣмъ своимъ тщаніемъ и разумомъ пріобрѣсть не могъ.

Случай начало всѣхъ почти людскихъ изобрѣтеній, открылъ ему нѣкую тайну причинившую въ немъ неописанную радость: нѣкогда увидѣлъ онъ въ лѣвой сторонѣ своего полисадника нѣсколько колосьевъ, коимъ подобныхъ на всемъ острову не видывалъ, въ ожиданіи отъ сего растѣ-

растѣнія доброй для себя пищи; охранялъ оное со всевозможнымъ раченіемъ, и наконецъ съ удивленіемъ увидѣлъ созрѣвающую обыкновенную Европейскую рожь. Съ недоумѣніемъ изыскивалъ причины оному; но какъ оныя извѣдать не могъ, то положилъ, что сіе растѣніе натуральное сего острова, и для того во время прогулокъ своихъ не оставилъ ни единаго уголка безъ исканія подобнаго сему растѣнія. Но тщетно! утомившись отъ долгаго исканія, вспомнилъ онъ, что за два мѣсяца предъ тѣмъ высыпалъ мѣшокъ съ старымъ и запылившимся житомъ, попавшимся ему съ прочими вещами на кораблѣ. Какъ скоро колосья созрѣли, то онъ срѣзавъ ихъ, тщательно сберегъ, для посѣву впредъ, и чтобы чрезъ то могъ имѣть безпрерывно хлѣбъ.

Въ семъ случаѣ судьба ему благопріятствовала, но въ другомъ была немилосерда. Однажды поутру от-

отправляя онъ въ своемъ погребу какую то работу, увидѣлъ вдругъ, что со свода онаго и вершины горы отрывались большіе куски земли и два подставлевные столба трещали съ великимъ шумомъ. Онъ какъ человѣкъ, боящійся смерти, бѣжалъ изъ погреба и не останавливаясь перелѣзъ у входа чрезъ стѣну, старался какъ возможно убраться подалѣе отъ своего жилища, опасаясь быть погребеннымъ въ живыхъ развалинами горы, клонившейся по его мнѣнію на его сторону. Но какъ онъ находился уже внѣ опасности, то съ изумленніемъ узналъ сему причину: ибо въ то время было настоящее землетрясеніе, и въ осми минутахъ потряслася земля подъ нимъ три раза весьма сильно; большая часть вершины горы отвалилась съ великимъ трескомъ, и море сильно колебалось.

Робинсонъ лежалъ отъ ужаса безъ памяти на землѣ, поелику землетрясеніе видѣлъ еще только въ

пер-

первой разъ, и пришелъ опять въ чувство отъ стуку землетрясенія и обвалившейся горы. Онъ началъ разсуждать, какой бы онъ понесъ убытокъ, и сколь плачевное было бы его состояніе, если бы земля поглотила все его имѣніе. Но въ сіе самое время вдругъ небо покрылось мрачными тучами; бурные вѣтры ревѣли со всѣхъ сторонъ; море колебалось и волны пѣнясь и воздымаясь къ облакамъ заливали берега; вихрь вырывалъ дерева изъ нѣдръ земли, и все приближалось къ совершенному разрушенію; по прошествіи нѣсколько часовъ буря начала утихать помалу; а спустя два часа, послѣдовала совершенная тишина и полилъ сильной дождь. Робинсонъ во все то время лежалъ на землѣ на вольномъ воздухѣ; однакожъ сильной дождь принудилъ искать его покрова: и такъ отважился онъ возвратиться въ свой шалашъ; но и тутъ казалось ему опасно: ибо вода наводнила все, и что нипопалось, пожирала, почему и искалъ онъ

онъ своего убѣжища въ погребѣ да и тутъ ожидалъ поминутно смерти.

Какъ ни худа была погода, однакожъ должно ему было оной себя подвергнуть, для выпуску скопившейся внутри полисадника воды. Укрѣпивъ онъ ослабшей свой духъ разумомъ, принялся за работу. Дождь лилъ всю ночь и часть слѣдующаго дня.

Сія угрожавшая его опасность понудила его избрать, для предохраненія дѣлъ отъ всякихъ случаевъ, жилище на ровномъ мѣстѣ: ибо обитаемая имъ гора разсѣлась и часть вершины нависла такъ, что при первомъ землетрясеніи могла бы она оторваться и подавить его жилище. Для сей самой причины ходилъ онъ цѣлые два дни по острову, ища удобнаго мѣста для обитанія, и размышлялъ какъ бы способнѣе перенесть свое имѣніе. Ему весьма горестно было разорить то, что онъ у себя построилъ съ толь великимъ трудомъ

домъ, наконецъ вознамѣрился твердо подвергнуться до тѣхъ поръ опасности, пока не выстроитъ другой подобной стѣны въ иномъ мѣстѣ. Топоры и другіе инструменты иступились, а точить оные не съ кѣмъ, ибо надлежало неотмѣнно другому человѣку вертѣть камень: долго выдумывалъ онъ способъ къ облегченію себя въ семъ случаѣ, и наконецъ нашелъ одинъ, то есть вѣртѣть точило помощію колеса и веревки ногами, а руками точить то, что ему надобно.

Но вскорѣ онъ примѣтилъ, что у него хлѣбъ чувствительно убавлялся, и притомъ столь много, что онъ почелъ за нужное употреблять въ день въ половину противъ того, чѣмъ прежде прокормлялся. Опечаленъ будучи симъ непріятнымъ открытіемъ, посмотрѣлъ онъ въ одно утро на берегъ, и увидѣлъ на мѣли нѣчто такое, которое изъ воды высунулось; онъ приближился къ сему

и

и увидѣлъ, что то была бочка съ порохомъ и нѣкоторые отломки отъ того корабля, которой разбитъ былъ на семъ островѣ, и которые въ последнюю сильную бурю принесены къ берегу. Порохъ отъ воды сдѣлался твердъ, какъ камень: онъ встащилъ однако бочку на берегъ и воротился къ отломкамъ, дабы посмотрѣть, не найдетъ ли еще тамъ чего нибудь; но по причинѣ множества песка, которымъ былъ наполненъ, ничего не видалъ; между тѣмъ сталъ опиливать все ему надобное, и при сей новой работѣ забылъ о перемѣненіи своего жилища, и большую часть дня проводилъ въ перевозѣ досокъ: а притомъ ловилъ онъ рыбу удочкою, которую сдѣлалъ изъ развитой веревки и изогнутаго гвоздя; рыбуже сушилъ на солнцѣ, и употреблялъ себѣ въ пищу. Сверхъ сего удалось ему поймать черепаху, которая для него служила весьма пріятнымъ кушаньемъ, поколику онъ съ давнаго времени ничего болѣе не употреблялъ,

кромѣ мяса отъ дикихъ козъ и птицъ.

Во время сихъ упражненій погода стала пасмурна, и не много спустя времени насталъ небольшой дождь съ прохолодью, которой продолжался весьма долго. Онъ почувствовалъ ознобъ и головную боль; ночи проводилъ безъ сна, либо въ недолговременныхъ и безпокойныхъ просонкахъ; а дни въ печальныхъ воображеніяхъ о будущемъ. На третій день получилъ онъ сильную лихорадку; однако сколь много ни были истощены его силы, принужденъ онъ былъ слѣдующаго дня выпти изъ своего жилища, для сысканія себѣ чего нибудь такого, котороебы могло утолить его великой голодъ, обыкновенно послѣ лихорадки случающійся. Онъ застрѣлилъ дикую козу, притащилъ ее къ себѣ въ домъ съ великимъ напряженіемъ своихъ силъ, съ досадою изжарилъ кусокъ отъ оныя, и поѣлъ весьма вкусно. Лихорадка

радка между тѣмъ умножилась и его состояніе часъ отъ часу становилось опаснѣе, голодъ его мучилъ: однако самому на охоту итти не возможно было, поелику не въ состояніи былъ нести ружье, да и столь много самъ на себя огорчился, что не хотѣлъ ни единаго члена поворотить съ мѣста.

Въ семъ обдержаніи между болѣзнѣйшими чувствованіями и досаднѣйшими размышленіями проводилъ онъ почти цѣлую недѣлю, какъ наконецъ въ одинъ ясной день потащилъ разслабленное свое тѣло изъ всего жилища, дабы полежать на солнцѣ; подлѣ него лежало ружье, однако онъ былъ столь слабъ, что едва имѣлъ силы натянуть курокъ; положивъ слабые свои члены на землю, воскликнулъ онъ громко: что есть человѣкъ безъ человѣковъ? — Игралище, болѣзнямъ и бѣдности преданное! твореніе съ пеленъ даже до могилы никакой помощи не имѣ-

ющее. Звѣрь родится безъ повивальной бабушки, выздоравливаетъ безъ врача; живетъ и умираетъ безъ всякой иной помощи, кромѣ естественной: единое токмо созданіе, есть человѣкъ, которое подвержено несказаннымъ мученіямъ и нуждамъ, и которое безпрестанно имѣетъ въ чужомъ вспомоществованіи надобность. О недостойные наслаждаться жизнію тѣ люди, кои изъ бездѣлицъ заводятъ вражду и не принимаютъ услугъ, еслибы вы находились когда либо въ моемъ состояніи, тобы вы вскорѣ познали сколь драгоцѣненъ для человѣка долженъ быть человѣкъ.

Углубившись въ сіе размышленіе, заснулъ онъ нечувствительно и видѣлъ весьма пріятное во снѣ мечтаніе, а именно онъ видѣлъ, будто бы нашелъ средство, служащее къ облегченію его болѣзни. Между множествомъ другихъ никакой связи неимѣющихъ, представлялись ему его погребъ и его шатеръ; тутъ казалось ему, будтобы

тобы

тобы онъ осматривалъ всѣ сундуки и другіе сосуды, и нашелъ великое множество табаку, котораго вынувъ, съ жадностію проглотилъ его въ присутствіи многихъ другихъ больныхъ Бразилійскихъ жителей, кои также ему во снѣ появились. При своемъ отъ сна пробужденіи между прочимъ воспомнилъ онъ о своемъ сновидѣніи и о табакѣ; одна мысль обыкновенно раждаетъ другую; онъ при семъ случаѣ припомнилъ, что въ Бразиліи общее отъ всѣхъ болѣзней лѣкарство есть тобакъ, почему и вознамѣрился употребить на свое лѣченіе тотъ тобакъ, которой у него въ сундукѣ былъ. Онъ потащился въ свой погребъ, вынулъ тобакъ, и различными употреблялъ оной способами; онъ жевалъ листья, то клалъ ихъ на нѣсколько часовъ въ румъ, и при отходѣ ко сну пилъ сей преизящной напитокъ, то полагалъ онъ на уголья, и ртомъ и носомъ глоталъ дымъ онъ онаго. Сіе троякое лѣченіе, которое можетъ быть и

въ Европѣ со временемъ войдетъ въ употребленіе, произвело весьма хорошее дѣйствіе; оно навело на него толь глубокой сонъ, что онъ безъ просыпу спалъ цѣлые сутки. Пробудившись, почувствовалъ онъ себя въ толь свѣжемъ и укрѣпленномъ состояніи, что почти никакихъ не имѣлъ знаковъ лихорадки такъ что по неоднократномъ повтореніи она совсѣмъ отъ него отстала. Между тѣмъ изъ сей болѣзни заключилъ онъ, что въ Мартѣ и Апрѣлѣ мѣсяцахъ дожди для здоровья гораздо опаснѣе, нежели въ Сентябрѣ и Октябрѣ, и изъ сего сдѣлалъ онъ себѣ правила, какъ въ семъ случаѣ впредь отъ сего остерегаться должно.

По сіе время прожилъ онъ въ семъ уединенномъ мѣстѣ цѣлые десять мѣсяцовъ, и какъ скоро онъ поправился въ своемъ здоровьѣ, то тотчасъ началъ снова помышлять о перенесеніи своего жилища на другое мѣсто. Въ семъ намѣреніи бродилъ

онъ

онъ по всему острову: сперва пошелъ на то мѣсто, гдѣ обыкновенно приставалъ со своимъ плотомъ, когда перевозилъ съ корабля запасы. Прошедъ около двухъ миль, нашелъ онъ, что приливъ морской не далеко проходитъ въ землю, но кончится въ одной небольшой рѣчкѣ, протекающей изъ источника, содержащаго прѣсную и свѣжую воду. По краямъ сея рѣчки стояли прекрасные луга, и далеко простирающаяся зеленая долина на вышшихъ мѣстахъ, куда вода рѣдко заходила, росъ тобакъ въ довольномъ количествѣ и многія другія растѣнія, коихъ имена и употребленіе ему были безъизвѣстны.

Онъ паче всего искалъ того растѣнія, изъ коего кореньевъ Индійцы дѣлаютъ хлѣбъ, однако не нашелъ. Сабуръ трава и дикой сахарной тростникъ росли въ довольномъ количествѣ, однако по причинѣ худаго присмотра, не весьма хорошо удались. Между тѣмъ сдѣлалъ онъ довольно

вольно открытій для упражненія нѣсколько времени своихъ мыслей, какимъ образомъ найденные плоды и растѣнія употреблять въ свою пользу: однако сими открытіями не могъ онъ вскорѣ воспользоваться, потому что во время своего въ Бразиліи пребыванія, не пріобрѣлъ довольнаго познанія о свойствахъ сихъ растѣній и объ употребленіи оныхъ.

Вдругой разъ пошелъ онъ въ томъ же намѣреніи гораздо далѣе. На семъ путешествіи нашелъ онъ между многими другими плодами дыни въ великомъ множествѣ, и цвѣтущей виноградъ. Сколь ни пріятно для него было сіе открытіе, однако онъ весьма умѣренно онымъ пользовался, и ѣлъ не много, потому что зналъ, что отъ многаго употребленія сихъ ягодъ раждается лихорадка; а вмѣсто того сталъ его собирать въ намѣреніи сушить на солнцѣ и употреблять вмѣсто изюму. Въ семъ упражненіи застала его

темно-

темнота, и онъ принужденъ былъ ту ночь спать на деревѣ, дабы въ слѣдующій день продолжать свои открытія.

На разсвѣтѣ другаго дни пошелъ онъ далѣе; къ востоку и полудню стояло цѣлой рядъ высокихъ горъ, и къ югу находилась пріятная долина, пересѣкаемая однимъ небольшимъ ручьемъ, къ востоку теченіе свое имѣющимъ; вся сія долина покрыта была зеленою травою, и преизряднѣйшими цвѣтами. Но сколь несравненно пріятнѣе показалось ему сіе зрѣлище, когда онъ возшедъ на небольшой холмъ, осматривалъ съ высоты онаго всѣ сіи прелестные предмѣты: и онъ упоялся несказанною радостію, почитая себя обладателемъ сего небольшаго земнаго рая. Густые померанцовые и лимонные деревья обѣщевали ему пріятную тѣнь, а впредь можетъ быть и пищу: ибо въ сію пору на нихъ не много плодовъ было; однако онъ не покинулъ

нулъ зеленыхъ лимоновъ, кои росли на деревьяхъ, но сорвавъ ихъ, выдавливалъ изъ нихъ сокъ и пилъ съ водою.

Робинсонъ зналъ перемѣну погодъ на семъ островѣ, и ожидалъ приближенія дождей, кои тутъ дважды въ году бывали. И такъ вознамѣрился онъ напередъ запастись разными свѣжими плодами на тѣ мѣсяцы, въ кои влажная погода не дозволитъ ему часто выходить изъ своего жилища. По сей причинѣ собралъ онъ виноградъ и лимоны, и раздѣлилъ оные на три кучи: одну взялъ съ собою домой, а за другими хотѣлъ притти на другой день. Но съ удивленіемъ видѣлъ, что всѣ его труды въ собираніи были тщетны: ибо виноградъ отчасти разметанъ, отчасти съѣденъ, и остались только одни корешки, примѣтилъ онъ также, что свѣжей виноградъ при переноскѣ попортиться можетъ: то для сей причины развѣшивалъ вино-

градныя кисти по сучьямъ, и носилъ домой сушеной.

Видъ того пріятнаго мѣста, которое онъ увидѣлъ на своемъ путешествіи безпрестанно мечтался ему въ глазахъ, такъ что весьма захотѣлось ему основать на ономъ себѣ жилище. Но дальность сего мѣста отъ морскаго берега, окруженнаго лѣсами и горою слѣдовательно нездороваго, и притомъ невыгоднаго къ примѣчанію идущихъ по морю кораблей, которые бы могли освободить его отъ скучнаго уединенія, отвращали отъ сего желанія. Однакожъ оставить прекрасное мѣсто казалось для него невозможнымъ. По долгомъ размышленіи нашелъ средину, удовлетворяющую его желанія: онъ основалъ на помянутой пріятной равнинѣ лѣтней шалашъ, въ которомъ опредѣлилъ жить большую часть времени въ сухую погоду: и безъ всякаго замедленія огородилъ оной тыномъ и плетнемъ и накинулъ полатку изъ

изъ парусовъ. Кто бы могъ себя почесть въ то время щасливѣйшимъ Робинсона? Да и самъ Неаполитанской Король не столько радовался своему мраморному дворцу, какъ Робинсонъ лѣтнему шалашу. Къ нещастію его застигли его тогда дожди, и онъ не могъ совершить своего дѣла въ полтора мѣсяца, и такъ принужденъ былъ укрыться въ зимнемъ своемъ дворцѣ; и не выходя никуда ждать до половины Октября мѣсяца. Домостроительство его было просто, и кушалъ весьма умѣренно, для того, чтобы ему припасовъ на все то время стало: поутру ѣлъ вмѣсто завтрика сушеной виноградъ; въ полдень утолялъ свой голодъ жаренымъ козьимъ мясомъ или черепахою, а въ ужинъ подкрѣплялъ желудокъ парою черепаховыхъ яицъ.

По выкладкамъ его жилъ онъ уже около года въ семъ уединеніи: для повѣрки счелъ зарубки на деревянномъ своемъ календарѣ, и нашелъ что уже съ лишкомъ прошло оконча-

чаніе

чаніе года, которое онъ полагалъ 13 Сентября. Отправилъ съ торжествомъ, и по положеннымъ Христіянскою церковью уставамъ постился во весь тотъ день, и замѣнилъ обѣдъ ужиномъ.

Выше сего упомянуто, что нечаяннымъ образомъ у него взошла пшеница и сарачинское пшено. Нынѣ же не имѣя болѣе дѣла, сталъ помышлять о жатвѣ, и вознамѣрился посѣять другой разъ сѣмена. Для благополучнаго посѣва потребно знать климатъ земли; а сіе знаніе не могъ иначе получить, какъ посредствомъ опытовъ. И такъ онъ раздѣлилъ сѣмена на двѣ части, одну половину посѣялъ послѣ дождливаго времени, думая, что теплота будетъ способствовать скорѣйшему прозябенію оныхъ; однако онъ ошибся: ибо цѣлые три мѣсяца спустя послѣ посѣва, дождей со всѣмъ не было, и сѣмена, по недостатку влажности почти всѣ сгнили.

Онъ и другой сдѣлалъ опытъ, Онъ посѣялъ не задолго предъ дождливою погодою; сѣмяна взошли, и въ слѣдующихъ мѣсяцахъ вскорѣ созрѣли: однако не смотря на сїе жатва не весьма была удачлива; причиною тому были или худое обработыванїе земли, или незнанїе времени посѣва. Однако изъ частыхъ и неоднократно повторяемыхъ опытовъ позналъ онъ, что онъ въ одномъ году можетъ дважды сѣять и дважды собирать жатву. Изъ сихъ наблюденїй помалу умножился его календарь; онъ давно уже зналъ, что въ оной поднебесной имѣются двѣ годины, изъ коихъ каждая ежегодно дважды паки наступаетъ, а нынѣ примѣтилъ онъ наступленїе и окончанїе каждой. Въ половинѣ Февраля мѣсяца, во весь Мартъ, даже до половины Апрѣля были дожди: съ другой половины Апрѣля до первой половины Августа продолжалась сухая погода: а потомъ съ половины Августа до половины Октября наступу-

ступала прежняя дождливая погода, а съ оного времени даже до половины Февраля была паки сухая погода.

По случаю сдѣлалъ онъ еще и другое полезное наблюденіе. Когда онъ по прошествіи дождливой погоды въ первой разъ паки посѣтилъ свое лѣтнее жилище, увидѣлъ онъ, что тынъ около онаго былъ покрытъ зеленью; колья, изъ коихъ оной плетень состоялъ, пустили отрасли, и чаятельно иные изъ нихъ получили и корни; сіе открытіе употребилъ онъ для украшенія своего жилища; онъ нарубилъ еще болѣе кольевъ, и осадилъ оными весь свой полисадникъ; большая часть изъ нихъ поднялись и стали цѣлыми деревьями, кои его осѣняли, и предохраняли отъ погодъ.

Во время дождей не выходилъ онъ обыкновенно никуда изъ своего жилища: а при наступившей хорошей по-

погодѣ вздумалъ онъ побродить по острову, и запастись всѣмъ нужнымъ. Сперьва сталъ изъ разнаго рода прутьевъ плести коробки для поклажи своихъ сухихъ вещей: ибо тамъ находились иныя весьма гибкія деревья, на подобіе нашихъ ивъ: равную имѣлъ онъ надобность и въ сосудахъ для жидкихъ вещей, въ коихъ онъ великой претерпѣвалъ недостатокъ; однако ни случаемъ, ниже по остроумію своему не попалъ на выдумку оныхъ.

По наступленіи сухой погоды, предпринялъ онъ другое по острову путешествіе, а именно: на другую половину онаго. Взявши съ собою ружье, топоръ, одинъ мѣшокъ съ порохомъ и дробью, а другой съ ѣстными припасами, отправился онъ въ путь со своею собакою, прошелъ ту долину, гдѣ стоялъ его лѣтній шалашъ, и увидѣлъ море, а по другую сторону онаго большое пространство земли, которая по его

мнѣ-

мнѣнію отстояла по крайней мѣрѣ на 15 или 20 миль; при семъ видѣ вся внутренняя въ немъ взволновалась; онъ долгое время стоя неподвижно, взиралъ на оную землю, однако наконецъ видя, что вся его надежда была тщетная, отворотился отъ моря, и забавлялся взираніемъ на пріятныя вокругъ его находявшіяся поля, кои усыпаны были разными цвѣтами и кустарниками. Около его летали попугаи, коихъ узря, весьма обрадовался, что нашелъ такое животное, которое со временемъ можетъ давать тонъ человѣческаго голоса. По многомъ стараніи, удалось ему наконецъ на возвратномъ его путешествіи одного изъ нихъ поймать, котораго послѣ началъ обучать говорить.

На семъ путешествіи примѣтилъ онъ въ лѣсахъ разныхъ звѣрей, кои походили на нашихъ зайцовъ и лисицъ; онъ нѣкоторыхъ изъ нихъ хотя и убилъ, однако никакъ не-

осмѣлился ихъ ѣсть, по незнанію оныхъ: чѣмъ далѣе онъ пробирался на островъ, тѣмъ болѣе соболѣзновалъ о томъ, что онъ не на сію половину острова былъ брошенъ: ибо тутъ во всемъ было изобиліе; на здѣшнемъ берегу было множество черепахъ, а напротивъ того на томъ, куда онъ бурею былъ брошенъ, изрѣдка одна показывалась; птицъ было чрезвычайно много, однако онъ не многихъ изъ нихъ зналъ. Прошедъ по его разчисленію около 12 Аглинскихъ миль къ востоку, воткнулъ онъ на берегу колъ въ землю съ тѣмъ, чтобы при будущей сухой погодѣ по другой сторонѣ острова отъ своего жилища до сего кола сдѣлать подобное путешествіе.

Для различія предметовъ, принялъ онъ свое обратное путешествіе по иной дорогѣ, и пошелъ прямо чрезъ островъ, однако едва при семъ не подвергнулся опасности: ибо прошедъ не болѣе двухъ Аглинскихъ миль, вы-

вышелъ онъ на одну обширную долину, окруженную со всѣхъ сторонъ лѣсомъ и горами: обыкновенно направлялъ онъ свой путь по солнцу, однако и сей путеводитель въ семъ случаѣ отъ него большую часть дня былъ сокрытъ, ибо чѣмъ болѣе подавался въ долину, тѣмъ воздухъ становился гуще и туманнѣе. При таковыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ странствовалъ онъ цѣлые три или четыре дни по долинѣ. И какъ наконецъ убоялся, дабы не заблудиться, то поворотилъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ вбилъ въ землю колъ, дабы отъ него по прежней дорогѣ въ свое жилище возвратиться. На семъ путешествіи поймалъ онъ вышеупомянутаго попугая и козленка; онъ привязавъ его на веревку, привелъ къ себѣ домой, и давъ ему корму; предался радости, которую чувствовалъ при возвращеніи своемъ въ жилище по мѣсячномъ отсутствіи. Ни единой странствователь изъ долго-

временнаго путешествія не возвращался съ такимъ удовольствіемъ къ своей женѣ и дѣтямъ, съ какимъ Робинсонъ прибылъ въ свой шалашъ. Его рогожка, на которой онъ обыкновенно спалъ, показалась ему пріятнѣе пуховой Европейской перины: ибо цѣлой мѣсяцъ ночевалъ на деревьяхъ, пищу же свою вкушалъ съ большимъ апетитомъ, когда ее спалъ паки въ спокойствіи употреблять. Попугаю сдѣлалъ онъ изъ прутьевъ клѣтку, и ежедневно обучалъ его говорить.

По тому столбу, на коемъ онъ означалъ дни и по перемѣнѣ годинъ узналъ онъ, что нынѣ минулъ другой годъ, и онъ съ великимъ желаніемъ ожидалъ того мѣсяца, въ которой богатую получитъ жатву. Урожай былъ весьма хорошъ, однако онъ примѣтилъ, что его плодъ посѣщаютъ разбойники: дикіе козы и другіе звѣрки, кои походили на нашихъ зайцовъ, приходили въ великомъ

комъ множествѣ къ нему на пашню и поѣдали сѣмя, прежде нежели оно взойдетъ: и такъ принужденъ онъ былъ для сохраненія законнаго трудовъ своихъ стяжанія, обнести свою пашню частымъ тыномъ, а на ночь привязывалъ къ нему на длинную веревку свою собаку, дабы она могла вокругъ его бѣгать и лаяніемъ ихъ отгонять.

Какъ же скоро появятся на колосьяхъ зерна, то прилетали стада птицъ и оные выклевывали. Онъ отгонялъ ихъ ружейными выстрѣлами, отъ коихъ они прочь улетали, однако не много спустя назадъ возвращались. Вознегодовавъ на сію наглость птицъ, застрѣлилъ онъ изъ нихъ трехъ, и повѣсилъ убитыхъ на трехъ различныхъ мѣстахъ своего поля, и увѣряетъ заподлинно, что съ того времени ни единая на его пашню болѣе птица прилетать не осмѣливалась.

Однако при всѣхъ сихъ опасностяхъ, коимъ его посѣвъ былъ подверженъ, имѣлъ онъ богатую жатву: вмѣсто косы употреблялъ онъ старую саблю, коею онъ срѣзывалъ колосья и склавши въ коробъ, отнесъ въ свое жилище: солому, въ которой онъ не имѣлъ надобности, опредѣлилъ для унавоживанія земли. А какъ урожай не весьма былъ великъ, то онъ могъ обойтись и безъ молотила, и вынималъ зерна руками, кои не употреблялъ себѣ въ пищу, но опредѣлялъ для посѣва въ будущемъ году. Между тѣмъ все время трудился надъ исправленіемъ земледѣльныхъ своихъ орудій, и выдумывалъ нужныя для молотія и для печенія хлѣба орудія.

Землю по сіе время рылъ онъ лопатами, сдѣланными изъ одного рода дерева, которое въ Америкѣ желѣзнымъ называется: оно имѣетъ желѣзной видъ и твердость, подобную желѣзу: его весьма трудно обра-

боты-

ботывать, да и управлять онымъ не легко, такъ что ему стоило весьма много труда и времени, при сдѣланіи своихъ орудій, и при употребленіи оныхъ на копаніе земли.

У него не доставало также и бороны, по чему по неимѣнію оной боронилъ онъ землю тяжелымъ сучкомъ дерева, съ коимъ нѣсколько разъ проходилъ по усѣянному полю.

Помощію сихъ скудельныхъ орудій посѣялъ онъ паки всѣ свои зерна, огородилъ пашню тѣми кольями, кои весьма легко пускали корни, а при наступившей дождливой погодѣ выдумывалъ, какимъ бы образомъ здѣлать мельницу и пѣчь для печенія хлѣба. Сверьхъ того для собственнаго своего увеселенія обучалъ попугая говорить, и въ короткое время довелъ его до того, что онъ могъ ясно и громко выговарить собственное свое имя, Поль. Сколь велико было для него удовольствіе слышать

одно чужимъ голосомъ произнесенное имя, которое ему казалося цѣлою рѣчью.

По своемъ возвращенiи съ вышеописаннаго путешествiя неоднократно во время сухой погоды дѣлалъ онъ опыты, чтобы составить сосудъ для жидкихъ вещей, а особливо, когда на пути своемъ нашелъ тучную землю, которая ему казалась для того годною. Онъ сдѣлалъ изъ нее тѣсто, и составлялъ сосуды, однако при всемъ своемъ старанiи не имѣлъ успѣха, по причинѣ невѣдѣнiя въ состовленiи онаго тѣста; но терпѣливостiю и раченiемъ своимъ преодолѣлъ всѣ трудности. По многихъ неудачливыхъ опытахъ сдѣлалъ онъ наконецъ настоящiй растворъ изъ упомянутой тучной земли, и составилъ изъ него два нескладные сосуда, кои походили на большое блюдо. Потомъ высушивъ ихъ на солнцѣ, съ великою осторожностiю положилъ въ коробъ, въ которой наклалъ пшеничной соломы.

Сей удачливой опытъ ободрилъ его немного, и онъ началъ лѣпить множество другихъ небольшихъ сосудовъ, кои ни хуже, ни лучше прежнихъ были. Въ одинъ день, какъ онъ варилъ себѣ кушанье, увидѣлъ онъ въ огнѣ черепокъ отъ одного своего разломаннаго сосуда; сей черепокъ былъ раскаленъ и твердъ какъ камень. Тотчасъ пришло ему на умъ, симъ случаемъ воспользоваться: онъ сдѣлалъ въ землѣ глубокую яму, и поставивъ въ оную три высушенные сосуда одинъ на другаго, положилъ вокругъ ихъ дерева̀ и зажегъ; и по тѣхъ поръ умножалъ огонь, покамѣстъ сосуды не раскалились. Потомъ накрывши яму деревомъ и дерномъ, дабы жаръ не вдругъ изъ нее вышелъ, по прошествіи пяти или шести часовъ, вынулъ оные сосуды изъ ямы, и чрезъ то почти достигъ желаннаго предмета. Онъ съ другими сосудами тоже самое дѣлалъ и научился помалу познавать степень потребнаго для сосу-

довъ жара; такъ что послѣ сего никогда при зженіи сосудовъ неудачи не имѣлъ. На первой случай хотя онъ и не могъ выдумать мельницу для молотія хлѣба, однако вздумалъ сдѣлать иготь для толченія онаго. Онъ сталъ искать такого камня, который бы можно было выточить, однако камни на обитаемомъ имъ островѣ были либо чрезмѣрно тверды, либо песчаны, такъ что при долбленіи тотчасъ разсыпались, и такъ прибѣгнулъ къ иному средству. Онъ взявши не большой пень, выдолбилъ его посредствомъ огня, точно такъ какъ Индѣйцы дѣлаютъ свои лодки; пестикъ же сдѣлалъ изъ упомянутаго выше сего желѣзнаго дерева, и въ сей иготѣ толокъ пшеницу. Сито для просѣванія муки сдѣлалъ онъ изъ выбойчатыхъ галстуковъ, кои остались вмѣстѣ съ другими вещьми, перевезенными имъ съ разбитаго судна на островъ.

Теперь оставалось ему еще изобрѣтеніе важнѣйшаго средства, а

имянно, какимъ образомъ печь хлѣбы. Сіе средство нашелъ Робинсонъ весьма скоро: онъ въ семъ намѣреніи сдѣлалъ нѣсколько глиняныхъ, весьма широкихъ, но не глубокихъ сосудовъ, и когда ему надлежало печь, то онъ на своемъ очагѣ, которой не иное что былъ, какъ въ землѣ вырытая яма, раскладывалъ большой огонь; и когда накалятся камни, коими яма была выкладена, то онъ сметалъ золу начисто прочь и опустивъ на горячіе камни кусокъ тѣста, покрывалъ оное однимъ изъ вышереченныхъ плоскихъ глиняныхъ сосудовъ, а потомъ засыпалъ его горячею золою, и симъ образомъ пекъ хлѣбы, которые хотя и не весьма вкусны, однако для употребленія въ пищу годны были.

Въ сихъ и подобныхъ сему изобрѣтеніяхъ и другихъ домашнихъ работахъ, Робинсонъ проводилъ почти весь третій годъ, щитая со времени его пребыванія на семъ островѣ:

сверьхъ

сверьхъ сего онъ сѣялъ и собиралъ жатву въ надлежащее время, и притомъ столь богатую, что у него доставало пшеницы и на печеніе хлѣбовъ и для будущаго посѣва.

Робинсонъ исправивъ всѣ свои самонужнѣйшія надобности, и запасшись сколько возможно на будущее время разными припасами, началъ помышлять, какимъ бы образомъ узнать ему обстоятельнѣе насупротивъ его острова лежащую землю, которую онъ видѣлъ; и не воображая себѣ никакихъ опасностей, вздумалъ переправиться чрезъ сіе обширное море на томъ ботѣ, на коемъ онъ занесенъ былъ на островъ, и которой лежалъ опрокинутъ на песку. Но поелику онъ не въ силахъ былъ одинъ изъ песку его вытащить и спустить на море, то перемѣнилъ сей свой планъ, и вознамѣрился новой ботъ построить, то есть по примѣру Индѣйцовъ выдолбить большое дерево и на семъ утломъ

суднѣ

суднѣ пуститься въ море. Онъ безъ всякаго замедлѣнія пошелъ въ лѣсъ, выбралъ себѣ наилучшее и высочайшее кедровое дерево; онъ цѣлые двадцать дней его срубливалъ, двѣ недѣли очищалъ отъ сучьевъ и вѣтвей, и не менѣе мѣсяца употреблялъ времени на то, чтобы дереву придать видъ боту подобной. Выдалбливалъ же его почти цѣлую четверть года, ибо не хотѣлъ его выжигать, но долбилъ долотомъ.

По окончанiи своея работы, самъ внутренно ей радовался и удивлялся преизящности своего бота; однако онъ при первомъ своемъ жару, съ какимъ приступилъ къ сей работѣ, забылъ объ одномъ наиважнѣйшемъ обстоятельствѣ, а именно: какимъ образомъ стащить его въ воду. Съ печалiю и унылымъ духомъ стоялъ онъ тутъ взирая на свой ботъ, и чувствуя, что не можетъ его спустить въ море: онъ хотя только на двадцать шаговъ от-

отстоялъ отъ берега, однако берегъ былъ гористой, и гораздо возвышеннѣе того мѣста, гдѣ находился ботъ. Онъ хотѣлъ было рыть землю и сдѣлать ее къ берегу покатою, однако какая бы была въ семъ польза, когда онъ бота и съ мѣста поворотить не могъ.

Однако желаніе его было столь велико, что онъ чего бы то ему ни стоило, неотмѣнно хотѣлъ намѣреніе свое произвесть въ дѣйство. И такъ вознамѣрился вырыть отъ моря до бота каналъ: онъ сперва рачительно вымѣрялъ длину, потомъ вычислилъ долготу и широту и по окончаніи сего оказалось, что ему одному и въ два года не привесть канала къ окончанію. И такъ съ крайнимъ соболѣзнованіемъ сердца принужденъ былъ покинуть свой ботъ на сухомъ пути въ знакъ своея глупости, и истребить желаніе по морю путешествовать.

Въ сихъ трудахъ минулъ и четвертой годъ. Покамѣстъ у него велись чернила, то онъ записывалъ всѣ бездѣлицы, какъ то выше сего упомянуто было, и дѣлалъ при семъ нѣкоторые наблюденія, кои обьясняютъ какимъ образомъ люди прежде сего могли дѣлать различіе между добрыми и худыми, между щастливыми и нещастными днями. Онъ по своимъ запискамъ нашелъ, что въ тотъ самой день, какъ онъ убѣжалъ отъ отца своего, взятъ былъ каперомъ и сдѣланъ невольникомъ: а въ день своего рожденія брошенъ онъ былъ бурею на сей островъ. Однако сія въ одинъ день случайность двухъ достопамятныхъ произшествій совсѣмъ не сдѣлала его суевѣрнымъ. Съ чернилами изошли у него и сухари: и онъ принужденъ былъ болѣе года прокормляться безъ хлѣба, покамѣстъ жатва его богато не наградила.

Желанія его часъ отъ часу болѣе умножились; сперва сносилъ онъ

зной и дождь безъ одежды, и весьма рѣдко прикрывался рубашкою отъ солнца и камзоломъ отъ влажности; а какъ у него и остальное платье износилось, то онъ и со всѣмъ болѣе его не употреблялъ. Нынѣже вдругъ почувствовалъ неспособность ходить безъ платья, и вздумалъ сдѣлать себѣ новую одежду: онъ взялъ два матроскіе бострока, кои нашелъ на разбитомъ кораблѣ, разрѣзалъ ихъ на куски и сдѣлалъ себѣ изъ нихъ длинные кафтаны. По недостатку въ иглахъ употреблялъ онъ обвостренное дерево либо рыбьи кости, а нитки доставалъ изъ разсученныхъ веревокъ. Изъ кожъ четвероногихъ животныхъ, коихъ онъ ѣлъ, сдѣлалъ шапку, и чувствуя отъ нее немалую себѣ пользу, сдѣлалъ себѣ въ слѣдствіе времени цѣлое платье изъ кожъ, а именно: камзолъ да штаны: ибо съ сей шерстеной одежды и дождь скатывался, да и солнечные лучи не такъ сильно дѣйствовали.

Но

Но дабы еще болѣе предохранить себя, какъ отъ дождей, такъ и отъ зною, то вздумалось Робинсону сдѣлать зонтикъ, которой и внутри обтянулъ звѣриною кожею, и складывалъ его, а въ случаѣ нужды, паки разнималъ.

Между тѣмъ не могъ онъ оставить прежнее свое намѣреніе путешествовать по морю; онъ началъ строить новой ботъ, однако съ большею противъ прежняго осторожностію: онъ выбралъ для сего небольшое дерево, въ короткое время окончилъ свою работу, и съ меньшимъ трудомъ стащилъ ботъ въ воду. Съ радости не зналъ онъ что начать, когда увидѣлъ по морю плывущее свое судно. Онъ немедлѣнно приставилъ къ своему боту мачту, и повѣсилъ парусъ, сдѣланной изъ тѣхъ парусовъ, кои онъ съ корабля привезъ. Когда его судно совсѣмъ изготовлено было, то онъ за благо разсудилъ напередъ его извѣдать, на-

дежноли оно было и учинить наономъ путешествіе токмо около береговъ своего острова. Положивъ сіе намѣреніе, съ великою скоростію подѣлалъ онъ по сторонамъ бота ящики для поклажи пороха, провіанта, и другихъ надобностей: причемъ на днѣ онаго сдѣлалъ узкой жолобъ, въ которой полагалъ свое ружье и покрывалъ звѣриною кожею, дабы въ него морской воды или дождя не попало. На задней части своего судна воткнулъ онъ зонтикъ, и симъ образомъ иногда разгуливался около береговъ; однако человѣкъ настоящимъ никогда доволенъ не бываетъ: онъ всегда стремится далѣе. Робинсонъ возмнилъ сдѣлать около всего острова путешествіе, и для сего запасся всѣми нужными вещьми: онъ взялъ съ собою двѣ дюжины своихъ пшеничныхъ хлѣбовъ, руму, цѣлую половину козы, пороху и пулей и пустился въ море.

На семъ путешествіи претерпѣлъ онъ много трудностей. Съ

восточной стороны острова простиралась въ море длинная связь подводныхъ камней, а потомъ находилась сухая мѣль; и ему надлежало ѣхать цѣлые двѣ нѣмецкіе мили, дабы обойти сей мысъ. Для сей причины не желая вдругъ на худомъ своемъ ботѣ подвергнуться опасности, присталъ къ землѣ, и вышедъ изъ бота, привязалъ его къ дереву, а потомъ имѣя на спинѣ своей ружье, взлѣзъ на одинъ высокой камень, съ коего онъ могъ видѣть всю связь камней, и наконецъ вознамѣрился продолжать свое путешествіе. Съ сего камня усмотрѣлъ онъ также сильное морское теченіе, въ восточной сторонѣ, на самомъ краю подводныхъ камней: и для сего два дни простоялъ на якорѣ, ожидая покамѣстъ утишится сильной вѣтръ, которой дулъ насупротивъ онаго морскаго теченія.

По прошествіи двухъ дней, какъ скоро вѣтръ утихъ, отправился онъ

въ море. Лишь только онъ приближился къ краю подводныхъ камней и находясь почти подлѣ самаго берега, примѣтилъ онъ сильное морское теченіе, которое его съ великою силою отъ берега отвлекало. Вѣтру въ то время не было, гребля была недѣйствительна, и онъ почиталъ уже себя погибшимъ. Онъ часъ отъ часу болѣе удалялся отъ берега, и ничего инаго не осталось ему ожидать, кромѣ того, что онъ занесенъ будетъ въ открытое море, и тамъ погибнетъ. Онъ проклиналъ глупое свое любопытство; съ жалостію возрѣлъ на островъ и съ распростертыми руками возопилъ: *о ты благополучная пустыня! почто былъ я столь неблагодаренъ, и тебя оставилъ? ежелибы я еще одинъ разъ къ тебѣ попалъ, чтобы во всю жизнь свою тебя не оставилъ.* Его спасеніе дѣйствительно казалось не возможнымъ; лодка его отнесена была далеко въ море, и онъ отъ гребли и стра-

страха пришелъ въ безсилiе. Но наконецъ почувствовалъ небольшой вѣтерокъ, и сiе его немало ободрило; спустя четверть часа послѣ сего поднялся довольно сильной вѣтръ; тогда безъ всякаго замедлѣнiя оправилъ онъ мачту, натянулъ парусъ и всѣми силами старался выпти изъ морскаго теченiя. Напослѣдокъ помощiю вѣтра ему сiе и удалось, и онъ попалъ въ противное прежнему теченiе, которое его прямо принесло къ острову.

Лишь только онъ выступилъ на землю, то почувствовалъ въ себѣ столь великую радость по причинѣ своего спасенiя, и возъимѣлъ толь великое къ морю отвращенiе, что вознамѣрился для бота своего найти безопасное мѣсто, а самъ сухимъ путемъ возвратиться во свояси. Теперь находился онъ на сѣверной сторонѣ острова, а западной, которую онъ хотѣлъ на лодкѣ объѣхать, совсѣмъ не зналъ. И такъ поставивъ

свой ботъ въ безопасной заливъ, пошелъ вдоль по берегу съ ружьемъ и съ зонтикомъ. По щастію вскорѣ пришелъ къ тому шесту, которой онъ, какъ то выше упомянуто при первомъ своемъ путешествіи воткнулъ въ землю, отъ сего шеста дорога стала ему извѣстна. Онъ прибылъ съ неописанною радостію въ свое жилище, и клялся, что оное во вѣкъ не оставитъ.

Но при всемъ томъ непрестанно помышлялъ онъ о своемъ ботѣ, и крайнѣ безпокоился о томъ, что его труды были безполезны и почти вотще пропали; однако онъ не хотѣлъ болѣе подвергать жизнь свою опасности и осмѣлиться въ другой разъ на ономъ пойти въ море. И такъ остался съ покоемъ въ своемъ жилищѣ и чрезъ то имѣлъ больше времени на исправленіе домашнихъ своихъ работъ: но при изобиліи другихъ вещей, имѣлъ онъ въ порохѣ тогда толь великой недостатокъ,

что

что вскорѣ принужденъ былъ всю звѣриную ловлю оставить. Чтоже ему оставалось дѣлать? Надлежало помышлять о хитрыхъ средствахъ ловить козъ и другихъ животныхъ, ихъ укрощать, и изъ скитающагося охотника сдѣлаться домовитымъ пастухомъ.

Сперва ставилъ онъ силки, въ надеждѣ, что поймаетъ такую козу, которая уже понесла; однако онъ въ семъ своемъ чаянiи обманулся: ибо находилъ всегда, что гнилыя его веревки были разорваны, и примана съѣдена. По чему отвѣдалъ онъ сдѣлать яму: онъ вырылъ въ землѣ нѣсколько дыръ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ оныя животныя водятся, положилъ надъ оными прутьевъ, а сiи покрылъ травою, сверьхъ которой посыпалъ еще пшена и колосьевъ со пшеницею; и въ одно утро поймалъ въ одной ловушкѣ одного стараго козла, а въ другой трехъ молодыхъ одного козленка, да двѣ самочки. Старой козелъ былъ столь дикъ, что

 онъ

онъ не смѣлъ къ нему приступить; и для сей причины пустилъ его паки на волю, а малодыхъ связавши, отнесъ въ свое жилище.

Прежде всего избралъ Робинсонъ такое мѣсто, которое имѣло довольно паствы, воды и тѣни, и огородилъ оное частымъ тыномъ; во время сей трудной работы, его козы привязанные къ дереву, ходили около его и играли на травѣ: онъ иногда самъ забавлялся ими, и давалъ имъ пшеницы и пшена, каторую они ѣли изъ его рукъ. Какъ же скоро заборъ былъ окончанъ, то они по причинѣ ежедневнаго обхожденія столь много привыкли къ Робинсону, что повсюду за нимъ бѣгали, и отстать отъ него совсѣмъ не хотѣли.

Въ теченіе полутора года стадо его умножилось числомъ до 12, считая и козловъ и козъ и козленковъ; а два года спустя потомъ умножилось оно до 43, не смотря на то,

что

что онъ многихъ убивалъ и употреблялъ себѣ въ пищу. Однако Робинсонъ, какъ то обыкновенно съ людьми бываетъ, что они не во всѣхъ предмѣтахъ пользу свою заблаговременно усматриваютъ, долгое время имѣлъ при себѣ стадо, питался ихъ мясомъ, и не попалъ на мысль чтобы кормиться ихъ молокомъ. Какъ же скоро сіе вздумалъ, то молоко сдѣлалось преимущественною его пищею: и онъ по многократныхъ неудачливыхъ опытахъ научился напослѣдокъ дѣлать масло и сыръ; а въ семъ состояніи Робинсонъ наслаждался нынѣ совершеннымъ спокойствіемъ. Да и чегоже ему не доставало? Онъ былъ, такъ сказать, правитель всего острова, имѣлъ у себя богатое стадо; столъ имѣлъ всегда опрятной и порядочной, собесѣдникомъ ему былъ попугай, которой всегда сидѣлъ у него на плечахъ во время стола, а собака была его вѣрнымъ слугою; сверхъ того находились при немъ двѣ кошки, однако они

не тѣ самые были, которыхъ онъ съ корабля взялъ, но рожденные отъ нихъ, а тѣ уже съ давнаго времени померли. Доставать съѣстные припасы ему небольшаго теперь труда стоило; почему если нынѣшнее его состоянie сравнить съ прошедшимъ, то онъ жилъ уже въ нѣкоторой роскоши, нѣгѣ, спокойствiи и изобилiи.

Прiятность, порядокъ и чистота царствовали повсюду въ его жилищѣ. Главную свою квартиру перегородилъ онъ на разные отдѣлы, дабы сосуды и разные роды припасовъ полагать каждой въ особомъ мѣстѣ; рвы, чрезъ кои стекала вода, были въ добромъ состоянiи, и изъ кольевъ, коими онъ огородилъ свой шалашъ, выросли большiя деревья, кои умножали прiятность мѣстоположенiя и прохладу, охраняли отъ дождей и зною, и служили также для безопасности, потому что они такъ плотно заграждали его шалашъ, что ни коимъ образомъ не-

можно

можно было узнать, чтобы тамъ находилось жилище для человѣка. Подобнымъ образомъ учрежденъ былъ и лѣтней его дворецъ, которой сверьхъ того снабженъ всѣми надобностями и выгодами, такъ что онъ могъ въ немъ жить, когда хотѣлъ, безъ всякой переноски своихъ мебелей, и другихъ вещей: чегоже еще болѣе можно желать человѣку, на пустомъ островѣ обитающему?

Робинсонъ избыточествуя во всемъ и не опасаясь ни въ чемъ недостатка, сталъ помышлять объ украшенiи своея одежды. Шапку свою, которая прежде сего изъ козьей шерсти непорядочно была сшита, передѣлалъ онъ, и сдѣлалъ ее продолговатую съ вострымъ концемъ, и ту кожу, которая сзади къ ней была пришита, для охраненія затылка отъ дождей и солнечнаго зною, обрѣзалъ попригожѣе прежняго. Камзолъ, сдѣланной также какъ и вся его одежда изъ козьей кожи,

пере-

перешилъ онъ снова, и сдѣлалъ его подлиннѣе, такъ что онъ висѣлъ до колѣнъ, а изъ кожи одного стараго козла сшилъ себѣ штаны. Сперва ходилъ онъ босой, а нынѣ сдѣлалъ себѣ одну пару полусапоговъ, кои со сторонъ были отверсты и вмѣстѣ связывались. Онъ препоясанъ былъ кушакомъ, у коего на одной сторонѣ висѣлъ топоръ, а на другой пила: на ремнѣ сдѣланномъ изъ козьей кожи, висѣлъ черезъ плечо подъ лѣвою рукою двойной мѣшокъ съ порохомъ и дробью. На спинѣ былъ коробъ, въ которой полагалъ съѣстные припасы, когда онъ дальней куда путь предпринималъ, и другіе вещи, кои ему надобно было изъ одного мѣста переносить въ другое; на плечѣ висѣло ружье, голова же его прикрыта была зонтикомъ отъ дождей и снѣгу; бороду отростилъ онъ сперва на четверть аршина, а теперь ее обрѣзалъ, а оставилъ только для прикрасы длинные усы.

Симъ образомъ Робинсонъ прошелъ всѣ состоянія человѣковъ; онъ былъ охотникомъ, рыбакомъ, земледѣлателемъ и пастухомъ; онъ изобрѣлъ разныя художества, ремесленничества и мореплаваніе; и онъ сталъ наслаждаться такими способностями, что самое спокойство и изобиліе сдѣлались для его бременемъ. Любопытство, чтобы узнать ту страну острова, которая ему была неизвѣстна, столь много его мучило, что онъ вздумалъ перенести свой ботъ въ свое жилище. Въ семъ намѣреніи отправился онъ къ тому заливу, гдѣ оной ботъ стоялъ. По пришествіи своемъ туда, взлѣзъ на камень, и съ великимъ удивленіемъ увидѣлъ на морѣ чрезмѣрную тишину; и морское теченіе, которое на первомъ путешествіи причинило ему толико страха, совсѣмъ изчезло.

Онъ долгое время размышлялъ самъ съ собою, откудабы сіе толь не ожидаемое явленіе произойти могло;

гло; и по неоднократномъ наблюденіи нашелъ, что оное морское теченіе произошло отъ прилива и отлива и отъ направленія вѣтра: а отъ сего сдѣлалъ основательное положеніе. въ которое время дня и съ какимъ вѣтромъ въ море ему пускаться можно. По таковымъ наблюденіямъ Робинсонъ могъ бы унаравливать время, чтобы свой ботъ безопасно перевести на другую сторону, однако воспоминаніе прошедшей опасности наполняло его толикимъ страхомъ, что онъ не могъ отважиться на таковое предпріятіе, но вознамѣрился паче вблизи своего жилища построить другой ботъ.

Но вдругъ спокойство души его потревожено было новымъ страхомъ: на одномъ изъ его путешествій увидѣлъ онъ на мокромъ песку нѣсколько слѣдовъ человѣческой ноги. Онъ воображая себѣ, что то были людоѣды, ужаснулся столь много, какъ будто онъ видѣлъ нѣкое стра-

шное

шное привидѣнie. Онъ оглядывался на всѣ стороны, внимательно слушалъ, но ни чего ни видалъ, ни слыхалъ: онъ взошелъ на возвышенное мѣсто, подходилъ къ берегу, но и тамъ ничего не усмотрѣлъ. Потомъ воротился паки на то мѣсто, гдѣ видны были слѣды человѣческой ноги, думая, что онъ какъ нибудь ошибся, однако въ пескѣ ясно изображены были пальцы, пяты и весь видъ человѣческой ноги. Испугавшись сего зрѣлища, побѣжалъ въ свое жилище, оглядываясь безпрестанно назадъ, думая, что его цѣлая толпа дикихъ преслѣдуютъ.

Пришедъ къ своему жилищу, перелѣзъ онъ черезъ заборъ въ свой шалашъ, и отъ страху и разныхъ воображенiй не могъ во всю ночь уснуть. Онъ со всѣмъ не понималъ, какимъ образомъ человѣкъ безъ судна появился на его островѣ, и въ мысляхъ дѣйствительно думалъ, что его посѣтилъ дьяволъ; однако послѣ

того

того разсудивъ хорошенько, заключилъ, что то конечно были дикіе съ твердой земли, кои принесены были либо вѣтромъ, либо морскимъ теченіемъ на его островъ, но и тутъ еще не успокоился, но воображалъ въ себѣ разныя бѣдствія, какія они ему учинить могутъ. Долговременное уединеніе дѣлаетъ всегда людей пужливыми, боязливыми и легкомысленными.

Робинсонъ цѣлые три дни не выходилъ изъ своего жилища; но напослѣдокъ почувствовавши сильной голодъ, принужденъ былъ отважиться изъ онаго выйти. Козы его въ оные три дни были не доены и у большей части сосцы изсохли и совсѣмъ испортились: онъ хотя и позналъ, что страхъ ничего, кромѣ вреда ему не нанесетъ, однако не могъ его совсѣмъ оставить. Ему вздумалось, что то можетъ быть были слѣды собственной его ноги; онъ пошелъ паки къ тому мѣсту для вымѣриванія

ванія слѣдовъ но по нещастію нашелъ, что они были гораздо болѣе его ноги: и въ такое пришелъ отчаяніе, что вознамѣрился было раззорить всѣ свои зданія, поселеніе заборы и поля; распустить все свое стадо, и чрезъ то ни малѣйшаго не подавать повода къ догадкѣ, что на семъ островѣ человѣкъ обитаетъ.

Будучи долгое время томимъ таковымъ худымъ размышленіемъ, къ изысканію оборонительныхъ себѣ средствъ, наконецъ по опроверженіи ихъ всѣхъ, попалъ на одинъ полезной и доброй способъ, а именно: онъ принялъ намѣреніе еще большее около своего жилища сдѣлать укрѣпленіе, онъ началъ насыпать высокіе валы, копать рвы и дѣлать полисадники; позади небольшихъ отверстій поставилъ пять ружей, кои онъ съ корабля къ себѣ перевезъ, дабы въ случаѣ нужды могъ вдругъ выстрѣлить изо всей своей артиллеріи. Необходимость, которая его понуждала

къ сей работѣ, придала его рукамъ сугубую силу. А какъ онъ всегда большую получалъ надежду жить въ скрытности, нежели на оборону, то онъ вокругъ своихъ крѣпостныхъ зданій, насадилъ великое множество тѣхъ кольевъ, кои удобно корень и вѣтьви пускаютъ: въ два года времени сдѣлалась изъ нихъ густая роща, а въ шесть лѣтъ толь густой лѣсъ, что непріятель ни коимъ способомъ не можетъ подумать, что бы тамъ обиталъ человѣкъ, да и самъ съ величайшимъ трудомъ, сквозь оной пробираться могъ.

По укрѣпленіи собственнаго своего жилища, надлежало ему защитить и своихъ козъ, кои были главнѣйшіе его питательные источники; а сіе причиняло ему новыя заботы. Оградить ихъ валомъ, было трудно и безполезно, потому что они не могутъ обороняться: и такъ онъ вознамѣрился двенатцать козъ отдѣлить отъ прочихъ, и отвести въ особенное

ѣенное мѣсто, дабы у него хотя нѣсколько осталось, въ случаѣ когдабы непріятель остальное стадо у него и расхитилъ. Выбравъ годное и безопасное мѣсто, перевелъ онъ туда двенатцать козъ, и соболѣзновалъ о прочихъ, что они въ непріятельскія руки попадутся: однако послѣ сего еще двенатцать козъ спряталъ въ другомъ мѣстѣ; и такъ все стадо раздѣлено было по тремъ разнымъ мѣстамъ.

Робинсонъ обыкновенно каждой день ходилъ изъ одного табуна въ другой, и въ одинъ разъ остановившись на восточномъ краю острова на пригоркѣ, увидѣлъ онъ на морѣ движеніе и вдали нѣчто, похожее на судно; у него не было съ собою зрительной трубки, почему не могъ хорошенько распознать, что такое то было.

Однако неостанавливаясь тутъ пошелъ нѣсколько далѣе къ неиз-

вѣстной ему части острова, и попалъ на такое позорище, отъ котораго онъ весь оцепенѣлъ: онъ набрѣлъ на такое мѣсто, гдѣ разсѣяны были человѣческiе черепы, ноги, руки и другiя части; на срединѣ тлѣлъ подъ пепломъ огонь, вокругъ коего подѣланы были изъ земли скамейки.

Пришедъ самъ въ себя отъ изумленiя, прежде всего подумалъ онъ, что неотмѣнно съ сосѣдственныхъ земель дикiе иногда пристаютъ къ сему острову, и своихъ военноплѣнныхъ убиваютъ и ѣдятъ; а какъ онъ увидѣлъ еще тутъ тлѣющiйся огонь, то по всей вѣроятности заключилъ, что на томъ суднѣ, которое онъ прежде сего видѣлъ на морѣ, уѣхали отсюда безчеловѣчные дикiе, по окончанiи здѣсь своего варварскаго пиршества.

Онъ съ ужасомъ и съ яростiю оставилъ сiе страшное позорище; слезы полились изъ глазъ его, и сiе

без-

безчеловѣчное дѣло столь сильно его раздражило, что онъ горѣлъ желанiемъ отмстить симъ чудовищамъ за побiенiе толь многихъ невинныхъ, и вознамѣрился впредь не допустить, чтобы его островъ такими безчеловѣчными пиршествами былъ оскверняемъ; то хотѣлъ онъ ихъ подстеречь, и во время самаго пиршества въ нихъ стрѣлять; то намѣренъ былъ сдѣлать подкопъ надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ бывали ихъ собранiя и ихъ всѣхъ купно съ землею подорвать; то наконецъ хотѣлъ на нихъ напа́сть съ саблею и ихъ порубить. Его гнѣвъ былъ столь великъ, что онъ весьма часто приходилъ на тотъ берегъ, и извѣдывалъ случай съ ними встрѣтиться: онъ нашелъ такое мѣсто, откуда будучи самъ невидимъ, могъ ихъ видѣть пристающихъ къ берегу, и скрывшись въ пустомъ деревѣ стрѣлять по нихъ изъ ружья и писполетовъ. Онъ взялъ съ собою всю свою артиллерiю зарядилъ ружья пулями и разрублен-

нымъ желѣзомъ, и вооруженной ежедневно ходилъ на берегъ, преисполненъ будучи храброю ревностію и усердіемъ къ человѣчеству.

Робинсонъ ожидая понапрасну долгое время пришествія дикихъ, покинулъ наконецъ прежнюю свою ярость и сталъ гораздо милостивѣе о нихъ разсуждать: какое имѣю я право, говорилъ онъ, побивать такое созданіе, которое не виновно въ томъ, что оно столь безчеловѣчно. Ѣсть людей въ нѣкоторыхъ случаяхъ почитается между ими не несправедливымъ дѣломъ; кто ихъ непріятель, того они побѣждаютъ, убиваютъ и ѣдятъ: такое есть ихъ военное узаконеніе и употребленіе, которое установлено ихъ предками. Я не имѣю права принуждать ихъ, чтобы они свои нравы и обычаи перемѣняли; да и справедливость того не требуетъ, чтобы я ихъ потревожилъ безъ всякой учиненной ими мнѣ обиды. Сверхъ того можетъ

легко

легко случиться, что изъ нихъ хотя одинъ спасется и приведетъ съ собою цѣлой народъ, то какъ возмогу я одинъ имъ сопротивляться?

И такъ справедливость и благоразуміе запретили ему оставить оружіе, и не прежде оное употреблять, развѣ когда ими напередъ обиженъ будетъ: а для сей причины онъ сталъ по прежнему скрываться и принялъ прежнія трусливыя свои мѣры; жилъ скромно, не стрѣлялъ изъ ружей, и не дѣлалъ огня на такомъ мѣстѣ, откуда его издалека видѣть можно, и къ своему успокоенію нашелъ потаенную пещеру, въ коей онъ пекъ хлѣбы и варилъ кушанье, такъ что ни огня, ни дыму не видно; всѣ свои домашнія дѣла отправлялъ вооруженной и на всякъ часъ готовъ былъ съ дикими сразиться.

Но сія новооткрытая имъ пещера причинила ему вскорѣ послѣ того не-

немалой страхъ: нѣкогда осматривая ее извнутри, увидѣлъ онъ въ ней два страшные глаза, кои въ темнотѣ, какъ звѣзды сверкали. Онъ сего зрѣлища толико испугался, что не размышляя ни очемъ болѣе, бросился бѣжать. Однако любопытство его не терпѣло, чтобы не навѣдавшись о томъ обстоятельнѣе, оставить совсѣмъ пещеру: онъ ободрился, схватилъ зажженную палку, и съ скоростiю вбѣжалъ въ нее, дабы чрезъ то сокрыть свою трусость и показаться отважнымъ. Осмотрѣвъ хорошенько, нашелъ онъ, что тамъ лежала старая коза при послѣднемъ издыханiи; и такъ не трогавши ее оставилъ, и наконецъ похоронилъ ее на томъ мѣстѣ, гдѣ она испустила дыханiе.

Какъ скоро страхъ его миновалъ, то началъ онъ паки осматривать пещеру, и нашелъ въ ней узкое отверстiе, которое повидимому вело въ другую пещеру. На другой день

взявши

взявши съ собою свѣчу, пошелъ паки въ нее, и пролѣзши чрезъ упомянутое отверстіе, вышелъ въ наипрекраснѣйшій гротъ, какой токмо себѣ представить можно: дно было сухое и ровное, устланное мѣлкою дресвою; на стѣнахъ не видно было ни малѣйшей влажности, ниже слѣдствій вредныхъ какихъ либо испареній. Кромѣ труднаго входа и недостатка въ свѣтѣ, не можно было себѣ избрать лучшаго жилища на пустомъ острову; и Робинсонъ вознамѣрился съ тогоже самаго времени сей гротъ сдѣлать своимъ жилищемъ, а между прочими причинами и для того, что онъ въ немъ можетъ быть скрытняе, нежели въ другомъ какомъ мѣстѣ. Онъ перенесъ въ него всѣ наинужнѣйшія свои вещи и вознамѣрился въ немъ скрываться, если непріятель его преслѣдовать будетъ, либо выгонитъ изъ его укрѣпленій. Много времени уже прошло, и онъ не примѣтилъ ни какихъ слѣдовъ, чтобы дикіе въ другой разъ при-

ставали къ его острову, по чему спокойство въ его сердцѣ паки возстановилось: вѣрная его собака хотя и давно умерла, однако онъ потерю ея наградилъ двумя попугаями, и жилъ довольно счастливо.

Но вдругъ возстало новое въ его сердцѣ безпокойство. Нѣкогда во время жатвы, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, проводилъ онъ цѣлой день на полѣ, и по утру предъ восхожденіемъ солнца, увидѣлъ на берегу, въ разстояніи на одну четверть мили, большой огонь, но не въ той сторонѣ, куда прежде сего дикіе приставали, но къ крайнему своему соболѣзнованію, около того мѣста, гдѣ находилось его жилище.

Робинсонъ безъ всякаго замедлѣнія оставивъ жатву, побѣжалъ въ пещеру, однако находясь въ неизвѣстности не долго тутъ пробылъ, но вознамѣрился итти къ своему жилищу: онъ сдѣлалъ пріуготовленія

къ

къ оборонѣ; зарядилъ всѣ свои ружья и ожидалъ непріятеля цѣлые шесть часовъ, однако ни единой къ нему не приходилъ. И такъ скучая весьма много, что толь долгое время никого не видитъ, помощію лѣсницы взлѣзъ на камень и прилегши на оной, усмотрѣлъ чрезъ зрительную свою трубку девять человѣкъ дикихъ, кои сидѣли вокругъ огня; но они тутъ не грѣлись, ибо погода была теплая, а чаятельно пріуготовляли себѣ обѣдъ изъ человѣческаго мяса. У нихъ были двѣ лодки, кои втащены были на берегъ; а какъ въ то время былъ морской приливъ, то казалось, что они ожидали отлива, и тогда намѣрены были отправиться въ свою землю. Изъ сего заключилъ Робинсонъ, что во время морскаго прилива онъ всегда можетъ быть безопасенъ, а ихъ приходу надлежало опасаться токмо во время отлива.

Какъ Робинсонъ думалъ, такъ точно и случилось. Какъ скоро море на-

начало убывать, то сѣли они въ лодки, и отправились въ море. По ихъ отходѣ Робинсонъ вооружившись ружьями, пистолетами и саблями, пошелъ на тотъ холмъ, откуда онъ примѣтилъ первые слѣды сихъ безчеловѣчныхъ пиршествъ, и увидѣлъ оттуда три другіе лодки, кои также отвалили отъ острова и плыли прямо къ матерой землѣ. Онъ пошелъ на то мѣсто, гдѣ онъ за нѣсколькимъ предъ симъ временемъ нашелъ толикое множество человѣческихъ костей, и увидѣлъ тутъ новые остатки отъ недавно растерзаннаго человѣка: онъ вновь распалился гнѣвомъ, и твердо вознамѣрился при первомъ случаѣ учинить на оныхъ безчеловѣчныхъ варваровъ нападеніе.

Чаятельно, что дикіе весьма рѣдко сей островъ посѣщали: ибо прошло цѣлые пятнатцать мѣсяцовъ, что онъ нималѣйшихъ не примѣтилъ слѣдовъ, чтобы они пріѣзжали на сей островъ; а сіе время употребилъ

онъ

онъ для приведенія себя въ большее оборонительное состояніе.

Въ одинъ день, около половины Мая мѣсяца во время сильной съ громомъ и молніею бури, услышалъ онъ пушечной выстрѣлъ въ морѣ, потомъ и другой съ той самой стороны, гдѣ онъ при первомъ своемъ путешествіи на сдѣланномъ собственными своими руками ботѣ, морскимъ теченіемъ почти совсѣмъ унесенъ былъ въ море. Онъ тотчасъ подумалъ, что какой нибудь корабль находится въ опасности и оными двумя выстрѣлами требуетъ помощи у своихъ товарищей. Робинсонъ хотя довольно былъ увѣренъ, что онъ не въ состояніи былъ оному кораблю учинить помощь; однако надѣяся болѣе отъ него получить себѣ вспоможенія, разложилъ на камнѣ большой огонь, которой неотмѣнно на кораблѣ былъ видимъ: ибо лишь только пламя поднялось въ верьхъ, то немедлѣнно учиненъ былъ третій выстрѣлъ, а

по-

потомъ еще нѣсколько другихъ, кои всѣ изъ одного мѣста происходили. Робинсонъ во всю ночь не гасилъ огня, и какъ скоро настала утренняя заря и небо уяснилось, то увидѣлъ онъ въ морѣ въ восточной сторонѣ весьма далеко отъ острова нѣчто такое, которое почиталъ судномъ, стоящимъ на якорѣ: ибо оно во весь слѣдующей день, сколь часто на него ни смотрѣлъ, пребывало неподвижно. Для вящшаго удовлетворенія своего любопытства, пошелъ онъ съ ружьемъ на самой внѣшней край острова; взлѣзъ на каменную гору, и ясно съ оной увидѣлъ, что то былъ корабль разбитой на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ на своемъ путешествіи едва не погибъ. Тутъ воображалъ онъ себѣ все то, что токмо выгоднаго изъ сего нещастія себѣ получить надѣялся: а паче всего думалъ, что неотмѣнно нѣсколько человѣкъ съ онаго корабля спаслись на шлюбкѣ, и пристали къ его острову. И тѣмъ пріятнѣе для него была надежда по-

лучить чрезъ то сотоварищество и вспоможение оборонятЬся противу дикихъ, тѣмъ съ большею ревностію старался онъ сыскать по его мнѣнію избавившихся отъ кораблекрушенія людей; однако по нещастію онъ ненашелъ ни единаго человѣка. Нѣсколько дней спустя потомъ изъ моря выброшено было на берегъ тѣло одного карабельнаго матроса, однако по его одеждѣ не можно было заключить, какой онъ былъ націи.

Вскорѣ послѣ сего на морѣ возстала паки совершенная тишина. Тутъ Робинсонъ не могъ воспротивиться, чтобы не отправиться къ разбитому кораблю, и въ немъ посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ какой живущей твари, которая бы имѣла нужду въ его вспомоществованіи, онъ вычистилъ свою лодку, нагрузилъ ее нужными припасами, и былъ совсѣмъ въ готовности выступить въ море: однако обративши еще разъ свой взоръ на разбитой корабль,

воспомнилъ о опасностяхъ, которымъ онъ можетъ быть подверженъ по причинѣ сокрытыхъ подводныхъ камней, сильныхъ морскихъ теченій и вѣтровъ, кои однимъ ударомъ могутъ его на вѣки разлучить съ любезнымъ своимъ островомъ. Углубившись въ сіи разсужденія испугался онъ столь много, что отъ страха и ужаса сѣлъ на берегъ и не пустился въ море. Между тѣмъ насталъ приливъ и тогда неотмѣнно надлежало ему путешествіе отсрочить на нѣсколько часовъ, хотя у него паки возгорѣлось къ оному желаніе. Во время отлива примѣчалъ онъ морское теченіе и увидѣлъ, что оно происходило отъ сѣвера, и слѣдственно для возвратнаго его пути весьма выгодно было.

Сіе самое придало ему весьма много бодрости, и онъ положилъ въ слѣдующій день, какъ скоро наступитъ отливъ, пойти въ море: ночь переночевалъ онъ въ своей лодкѣ, и

по

по утру на другой день отправился на оной къ кораблю, прибылъ онъ въ два часа, и увидѣлъ весьма плачевное на ономъ зрѣлище: корабль, которой, судя по его строенію, казался быть Испанскимъ, находился между двумя камнями; корма у него была отъ ударенія волнъ разбита, а передняя часть воткнулась объ камень, и на немъ никого, кромѣ одной собаки не находилось. Сіе послѣднее животное отъ голоду почти померло. Робинсонъ подалъ ей кусокъ хлѣба, перенесъ въ свою лодку, и чрезмѣрно радовался, что нашелъ паки такое животное, съ которымъ онъ могъ сотовариществовать. Въ одной каютѣ корабля увидѣлъ онъ двухъ мертвыхъ людей, лежащихъ на земли въ обьятіяхъ другъ у друга. Робинсонъ осмотрѣвши корабль, взялъ съ собою все то, что могъ перевезти на лодкѣ и съ поспѣшностію отправился на свой островъ. Въ перевезенныхъ имъ сундукахъ, нашелъ онъ много денегъ, кои однако ни малѣйшей не

могли ему подать помощи: гораздо выгодняе бы было, еслибы досталЪ вмѣсто денегЪ бошмаки да чулки, коихЪ онЪ уже столько лѣтЪ не носилЪ, да и теперь принужденЪ былЪ безЪ оныхЪ обойтись; всѣ пожитки положилЪ онЪ вЪ свой магазинЪ, то есть, вЪ свой гротЪ.

По сіе время прожилЪ онЪ на островѣ 24 года, подверженЪ будучи безпрестанному страху, недостатку, опасности, нищетѣ, и благополучно преодолѣлЪ всѣхЪ своихЪ враговЪ; желаніе, быть вЪ сообществѣ людей, возгорѣлось нынѣ вЪ немЪ столь сильно, что онЪ почиталЪ сіе самонужнѣйшею необходимостію. А какЪ сверьхЪ того онЪ не имѣлЪ никакихЪ болѣе заботЪ и попеченій, то сталЪ единственно помышлять о томЪ, какимЪ бы образомЪ избавиться отЪ сего уединеннаго мѣста: иногда хотѣлЪ онЪ на своей лодкѣ переправиться кЪ матерой землѣ, насупротивЪ лижащей; а иногда думалЪ предаться,

напроизволъ вѣтровъ, какъ то онъ сдѣлалъ, спасаясь изъ плѣна, въ коемъ въ Сале находился, чая на пути встрѣтиться съ какимъ нибудь судномъ. Сіи мысли столь сильно его тревожить начали, что онъ въ безпокойствіи бѣгалъ въ задъ и въ передъ по острову, и каждой глазамъ его представляющійся предметъ наполнялъ его печалію, сколь часто онъ воспоминалъ, что съ нимъ разлучаться долженъ. Любезныя его козы, жилища, гротъ, лѣтней дворецъ, пашни и каждое то мѣсто, гдѣ онъ чувствовалъ удовольствіе или печаль, наводили ему скорбь и соболѣзнованіе, когда онъ мимо ихъ проходилъ. Но между тѣмъ исполненіе сего дерзновеннаго предпріятія отлагалъ онъ со дня на день, и чрезъ сіе отлагательство усмотрѣлъ нелѣпость своего плана, и сдѣлалъ совсѣмъ иной. Онъ вознамѣрился подстеречь дикихъ, учинить на нихъ нападеніе и избавить отъ ихъ варварскихъ рукъ ту

жертву, которую они приведутъ на закланіе, дабы избавленной имъ человѣкъ сдѣлался изъ благодарности ему другомъ, и показалъ ему путь къ матерой землѣ. Утвердившись въ семъ намѣреніи, пошелъ онъ осматривать всѣ тѣ мѣста, кои мнимые его непріятели наиболѣе посѣщаютъ: однако цѣлые 18 мѣсяцовъ ни единой изъ нихъ не показался. Наконецъ въ одно утро увидѣлъ онъ на берегу шесть лодокъ, а дикихъ уже въ нихъ не видалъ; онъ разчислилъ, что одна такая лодка содержитъ обыкновенно отъ пяти до шести человѣкъ; и такъ по крайней мѣрѣ полагалъ дикихъ до 30 человѣкъ, съ коими ему одному управляться надлежало. Такое превосходство непріятельской силы поколебало на нѣсколько времени твердой и бодрой его духъ. Онъ внимательно слушалъ, взлѣзъ на пригорокъ, подлѣ его жилища находящійся, и увидѣлъ чрезъ зрительную трубку, что дикихъ дѣйствительно было столько, сколько онъ нащиталъ.

Они

Они плясали, дѣлая разныя смѣшныя тѣлодвиженія, около большаго раскладеннаго огня; немного спустя потомъ времени, привели они двухъ военноплѣнныхъ изъ лодки для закланія ихъ: одинъ отъ перваго удара топоромъ упалъ мертвъ на землю; а посемъ тотчасъ трое изъ убiицъ бросились на него, распороли ему брюхо, и разрѣзали его на части. Между тѣмъ другой нещастной стоялъ неподалеку и на каждую минуту ожидалъ подобной себѣ злой участи: но въ то самое время, какъ всѣ дикіе дѣлили между собою мясо убіеннаго, другой военноплѣнникъ, усмотрѣвши выгодной къ спасенію своему случай, распуталъ потихоньку связующія его веревки, и съ величайшею скоростію побѣжалъ въ лѣсъ. Робинсонъ не мало испугался, когда онъ увидѣлъ, что онъ прямо бѣжалъ къ его жилищу, хотя и не мало при томъ радовался, что можетъ споспѣшествовать къ избавленію сего злощастнаго. Онъ думалъ, что за

 нимъ

нимъ бросятся всѣ дикіе, однако по щастію увидѣлъ, что его токмо трое преслѣдуютъ, и что избавившійся плѣнникъ убѣжалъ отъ нихъ столь далеко, что они по всей вѣроятности, никогда не могли бы его достичь, еслибы онъ въ силахъ былъ еще одни полчаса выдержать побѣгъ.

Между берегомъ и Робинсоновомъ жилищемъ находился небольшой заливъ, чрезъ которой плѣннику неотмѣнно въ плавь переправляться надлежало; и онъ безъ всякой остановки бросился въ воду, не взирая на то, что вода была прибылая, и съ великою скоростію переплылъ на другую сторону берега, и бросился паки въ бѣгство. Дикіе хотя тоже самое сдѣлали, однако съ большею медлительностію, да сверьхъ того одинъ изъ нихъ поворотилъ назадъ.

Робинсонъ, преисполненный желанія спасти жизнь сего плѣнника и чрезъ сіе получить себѣ сотоварища,

соскочилъ съ пригорка, взялъ свои ружья и побѣжалъ къ берегу, стараясь бѣгущаго остановить своимъ крикомъ: но сей почитая его новымъ врагомъ своимъ, удвоилъ свои шаги. Робинсонъ приближася къ одному изъ дикихъ, ударилъ его въ лобъ ружейнымъ прикладомъ такъ, что онъ на томъ же мѣстѣ упалъ мертвъ на землю. Другой дикой увидя своего товарища, на землю повергнутаго, остановился. Робинсонъ съ несказанною неустрашимостію къ нему приближается, и увидя что онъ напрягаетъ свой лукъ, предъупредилъ его намѣреніе, и выстрѣлилъ по немъ изъ ружья; дикой немедлѣнно повалился. Плѣнникъ услыша сей выстрѣлъ, оцепенѣлъ, и столь много испугался, что далѣе ни на одинъ шагъ ступить не осмѣлился. Робинсонъ дружелюбно махая ему рукою, приглашалъ къ себѣ; но онъ не довѣряясь, то приближался на нѣсколько шаговъ къ нему, то паки удалялся, воображая себѣ, что онъ попадется

еще въ другой плѣнъ, а наипаче когда оба его врага были побіенны.

Робинсонъ всячески старался сколько можно показаться ему ласковѣе, дабы чрезъ то его ободрить; дикой приближился къ нему съ большею противъ прежняго довѣрчивостію, и за десять шаговъ отъ него сталъ на колѣни, для изъявленія своея благодарности. Потомъ, какъ скоро Робинсонъ къ нему подошелъ, то онъ повергнулся на землю, цѣловалъ ее, и ухватившись за одну ногу избавителя, подвелъ ее къ своей головѣ, конечно для того, чтобы показать свою преданность, и что онъ намѣренъ быть его рабомъ. Робинсонъ его поднялъ, и дѣлалъ ему нѣкоторыя ласки, дабы чрезъ то еще въ большую притти у него довѣренность. Между симъ временемъ, тотъ дикой, котораго Робинсонъ ударилъ прикладомъ, и коего онъ почиталъ уже мертвымъ, паки пришелъ въ чувства. Избавленной плѣнникъ увидя

дя сіе, произнесъ отъ страху нѣкоторые слова, коихъ Робинсонъ хотя и не разумѣлъ, однако они величайшее въ его сердцѣ произвели увеселеніе: ибо онъ цѣлые дватцать пять лѣтъ не слыхалъ человѣческаго голоса. Но теперешнія обстоятельства не дозволяли ему предаваться чувствованіямъ сего удовольствія; дикой сталъ уже подыматься, а новой Робинсона невольникъ новымъ объятъ былъ страхомъ. Какъ же скоро увидѣлъ, что его избавитель цѣлитъ на него ружьемъ, то онъ паки ободрился, и посредствомъ знаковъ просилъ у него сабли, которую какъ скоро получилъ отъ Робинсона, то пошелъ къ оживленному своему врагу на встрѣчу, и однимъ ударомъ толь сильно поразилъ его, что онъ мертвъ упалъ на землю. Послѣ сей побѣды прибѣжалъ онъ скачущій назадъ, изъявляя свою радость громкимъ смѣхомъ и странными тѣлодвиженіями, и положилъ къ ногамъ Робинсона саблю и голову побіеннаго непріятеля.

Сему дикому весьма странно показалось, какимъ образомъ другой Индіянецъ въ толь дальнемъ разстояніи могъ быть убитъ; онъ приближившись къ нему, взиралъ пристально на него, и поворачивалъ на всѣ стороны, стараясь паче всего разсмотрѣть ту рану, которая пулею на груди была сдѣлана. По долговременномъ разсматриваніи отобралъ онъ у него лукъ и стрѣлы и принесъ ихъ къ Робинсону. Сей подавалъ ему посредствомъ знаковъ уразумѣвать, чтобы онъ за нимъ пошелъ, не желая показаться другимъ дикимъ, полагая, что они также въ слѣдъ за прежними пойдутъ. Однако сей дикой прежде исполненія сего приказа, просилъ у Робинсона позволенія закопать убитыхъ въ землю. Сей весьма охотно позволилъ, и онъ въ весьма короткое время сдѣлалъ въ песку двѣ ямы, и зарылъ мертвыхъ. Послѣ сего оба побѣдители пошли въ пещеру и поѣли хлѣба, сушенаго винограда и воды. Дикому

кому

кому ѣства сія показалась столь вкусною, что онъ ее упиралъ съ необычайнымъ аппетитомъ. Пообѣдавши Робинсонъ указалъ ему лежащую на земли солому, гдѣ онъ легъ спать для своего отдохновенія.

Сей дикой былъ высокаго росту и стройной человѣкъ, и имѣлъ отъ роду около 25 лѣтъ: всѣ члены его изъявляли проворство и силу; видъ его былъ мужественъ, но несвирѣпъ, и изъ начертаній лица его, а особливо когда онъ улыбался усмотрѣть можно было, что онъ одаренъ былъ нѣкоторою кротостію, которая сродна однимъ токмо Европейцамъ. Волосы имѣлъ онъ не курчавые и не короткія, какія обыкновенно имѣютъ Индѣйцы, но длинные и чернаго цвѣта; лобъ у него былъ высокой, а глаза наполненные жаромъ, цвѣтъ лица его былъ болѣе желтоватой, нежели смуглой; лице круглое, ротъ не великой и пригожіе бѣлые зубы.

Ди-

Дикой спалъ не болѣе получаса, и по пробужденіи своемъ, не видя въ пещерѣ Робинсона, которой въ сіе время пошелъ къ козамъ, выбѣжалъ изъ пещеры и искалъ своего господина; увидѣвши же его, побѣжалъ къ нему съ веселымъ видомъ и изъявлялъ ему свое послушаніе тѣми же тѣлодвиженіями, какъ и прежде: онъ слѣдовалъ ему повсюду, смотрѣлъ пристально на все то, что онъ ни дѣлалъ, и старался во всемъ ему подражать, что не мало Робинсона забавляло. Когда Робинсонъ подносилъ горшокъ съ молокомъ ко рту, то и онъ тоже самое дѣлалъ; когда Робинсонъ обмакивалъ хлѣбъ въ молоко, то и онъ также обмакивалъ; когда тотъ сидѣлъ, ходилъ, стоялъ или движеніе дѣлалъ головою или рукою, то и сей все отъ него перенималъ: ему всѣ припасы нравились, и онъ ѣлъ ихъ съ жаднымъ аппетитомъ.

Ночь проводили они вмѣстѣ въ пещерѣ, а на другой день пошли на

холмъ,

холмъ, съ коего имъ можно было видѣть то мѣсто, гдѣ дикіе пировали: и тамъ ни единаго болѣе не видно было человѣка. Робинсонъ ободрился и давши своему невольнику саблю и отнятой у убитаго дикаго лукъ со стрѣлами, да еще повѣсилъ ему на спину два ружья, да самъ съ собою взялъ также два ружья, пошли они къ тому мѣсту, гдѣ нашли множество человѣческихъ костей, и куски мяса. Молодой дикой взялъ въ руку четыре камешка, и показывалъ ихъ Робинсону, подавая чрезъ то уразумѣвать, что на сей островъ привезены были четыре плѣнника, и что слѣдственно трое съѣдены, поелику онъ четвертой бѣгствомъ своимъ спасся.

Робинсонъ прозвалъ новаго своего невольника Францомъ, и весьма старался научить его нѣсколько болтать по Аглински; а во время сего ученія сдѣлалъ ему платье изъ козьей кожи. Францъ принялъ оное

съ великою радостію; однако со страхомъ и трепетомъ дозволялъ на себя оное надѣвать, поелику оно казалось ему нѣкіими оковами. Сіе платье вскорѣ ему наскучило, онъ не могъ въ немъ поворотиться съ мѣста, какъ будто бы находился весь въ желѣзахъ. Когдаже онъ одинажды въ сей одеждѣ посмотрѣлся въ воду, то изо всѣхъ силъ засмѣялся самъ себѣ, и сбросилъ съ себя свою шероховатую одежду; однако Робинсонъ посредствомъ угрозъ пріобучилъ его къ оному

Предосторожность требовала, чтобы дикому не показывать, какъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ обходиться должно: почему Робинсонъ, которой еще не довольно увѣренъ былъ о его вѣрности, совсѣмъ непускалъ его въ свое жилище, дабы сверхъ прочаго онъ по любопытству своему не сдѣлалъ самъ себѣ вреда съ заряженнымъ ружьемъ. Ибо онъ каждую вещь, которую въ первой

разъ увидитъ, обыкновенно трогалъ и неоднократно принимался выстрѣлить изъ ружья, когда господинъ давалъ ему оное нести за собою. Однако послѣ сего Робинсонъ весьма остерегался, чтобы не давать ему болѣе ружья въ руки предохраняя тайну стрѣлянія для самаго себя, дабы симъ искусствомъ содержать его у себя въ страхѣ: потому что сей дикой при всей своей кротости и вѣрности являлъ иногда великой гнѣвъ и запалчивость, которой Робинсонъ не безъ причины опасался.

Онъ хотя и весьма медлительно училъ Аглинской языкъ, однако въ короткое время дошелъ до того, что могъ назвать и различать тѣ вещи, кои обыкновенно въ общежитіи попадаются. Такое наставленіе подавалъ ему Робинсонъ безпрерывно и при всѣхъ своихъ упражненіяхъ, какъ то во время доенія козъ, паханія земли и за столомъ; и онъ самъ нерѣдко забавлялся, взирая на Франца,

съ

съ какимъ онъ вниманіемъ слушалъ его уроки, и сколь много ему труда стоило произносить выученныя слова.

Но для умноженія его почтенія къ *оружію*, Робинсонъ долгое время не показывалъ ему, какимъ образомъ онъ ружье заряжаетъ. Когда онъ во что нибудь выстрѣлитъ, то Францъ принужденъ былъ бѣгать за добычею; а въ сіе самое время Робинсонъ снова заряжалъ свое ружье, а чрезъ сіе изумленной Францъ не могъ понимать, какимъ образомъ сія толь малая машина можетъ въ себѣ содержать неисчерпаемой источникъ огня и смерти: и онъ всегда подходилъ къ ружью не иначе, какъ съ глубочайшимъ почтеніемъ и разговаривалъ съ нимъ, какъ съ оживотвореннымъ существомъ. А сіи слова, какъ то въ слѣдствіи времени оказалось, заключали всегда прозьбу, дабы сіе огнедышущее чудовище не отняло у него жизни.

Къ

Къ соли и къ жареному мясу онъ нескоро пріобыкнулъ, и при первомъ отвѣдываніи онаго, дѣлалъ толь страшныя лицемъ движенія, что Робинсонъ нерѣдко пугался, думая, что съ нимъ что нибудь дурное воспослѣдовало.

Какъ скоро они въ состояніи были другъ друга разумѣть, то Робинсонъ началъ преподавать ему другіе уроки; а вопервыхъ давалъ наставленія о вѣрѣ. Въ семъ намѣреніи вопросилъ онъ его нѣкогда, сидя съ нимъ на берегу, кто по его мнѣнію создалъ все то, что онъ здѣсь видитъ, какъ то: облака горы, лѣса, море и проч? —— Одинъ весьма старой мужъ, отвѣчалъ онъ, которой называется Бенакмунъ, и которой живетъ долѣе всѣхъ вещей. — Робинсонъ спросилъ его еще, надобно ли почитать сего стараго мужа? На что онъ сказалъ въ отвѣтъ, что всѣ вещи сему старику говорятъ: О, которое слово на его языкѣ

означаетЪ почтеніе и преданность. — Но куда твои земляки послѣ смерти преходятЪ? — Они всѣ идутЪ кЪ Бенакмуку. — А непріятели, коихЪ вы пожираете? — также кЪ Бенакмуну.

РобинсонЪ сдѣлалЪ ему обстоятельное описаніе о ВысочайшемЪ Существѣ, и между прочимЪ сказалЪ ему: что его БогЪ принимаетЪ приносимыя ему молитвы; ФранцЪ изЪ сего заключилЪ, что БогЪ Робинсона превосходнѣе Бенакмуна, потому что онЪ хотя и живетЪ далѣе солнца и звѣздЪ, однако всѣ прозьбы людей слышитЪ. ИхЪ же БенакмунЪ напротивЪ того обитаетЪ на высокихЪ горахЪ, то и тутЪ надобно кЪ нему итти, если кто сЪ нимЪ разговаривать захочетЪ. — Часто ли ты сЪ нимЪ разговаривалЪ, вопросилЪ его РобинсонЪ? — НѣтЪ отвѣтствовалЪ ФранцЪ, сіе не дозволяется молодымЪ людямЪ, но прилично токмо ООкакамЪ; сіи ходятЪ кЪ нему и говорятЪ: о, и потомЪ приносятЪ от-

отвѣтъ. — Сіи Оокаки суть жрецы тоя земли, какъ то сіе легко каждому усмотрѣть можно.

Чистосердечной Робинсонъ, которой самъ безъ всякаго разсужденія вѣрилъ тому, чему церковь вѣрить повелѣвала, нерѣдко приводимъ былъ въ замѣшательства вопросами своего ученика, а особливо, когда онъ старался ему совершенное сдѣлать описаніе о дьяволѣ. Францъ дивился тому, что для чего его Богъ, если онъ сильнѣе дьявола, не убьетъ сіе чудовище? Робинсонъ не зналъ надлежащей ему дать отвѣтъ, а увѣрялъ его токмо, что сіе случится во время преставленія свѣта. Но не взирая на сіе столь недостаточное поученіе, Робинсонъ утверждаетъ, что онъ Франца сдѣлалъ въ короткое время добрымъ христіаниномъ, и можетъ быть лучшимъ, нежели каковъ и самъ былъ, присовокупляетъ оной откровенной мужъ.

При таковыхЪ добродѣтельныхЪ упражненіяхЪ проводилЪ РобинсонЪ цѣлые три года вЪ сотоварищесшвѣ со своимЪ Францомъ; и по собственному его засвидѣтельствованію, сіе время было для него наипріятнѣйшее, считая сЪ самаго начала его на семЪ острову пребыванія. И нынѣ уже столь много увѣрился вЪ вѣрности своего невольника, что непочиталЪ болѣе опаснымЪ показать ему употребленіе огнестрѣльнаго оружія: ибо онЪ чрезЪ трехлѣтнее сЪ ЕвропейцомЪ обхожденіе отсталЪ отЪ прежней своей свирѣпости, и толикую возЪимѣлЪ привязанность кЪ своему господину, что сей ни малѣйшей не имѣлЪ причины вЪ немЪ не довѣряться. И такЪ онЪ ему далЪ ножикЪ и топорЪ, научилЪ стрѣлять изЪ ружья, и ФранцЪ сдѣлался стольже мужественнымЪ воиномЪ, каковЪ былЪ и самЪ РобинсонЪ.

Между тѣмЪ сей злощастной путешественникЪ возЪимѣлЪ паки

же-

желаніе обстоятельнѣе узнать сосѣдственную матерую землю: и для сей причины вопросилъ Франца, которой отчасти тамъ бывалъ, не опасенъ ли путь къ упомянутой землѣ! сей отвѣтствовалъ, что поутрамъ бываетъ на морѣ всегда одинакой вѣтръ и одинакое морское теченіе, а послѣ обѣда перемѣняется какъ вѣтръ, такъ и морское теченіе въ противную сторону. О народахъ, обитающихъ на оной твердой землѣ, не могъ онъ иное возвѣстить, кромѣ того, что тамъ живутъ такъ называемые Караибы, а далѣе мѣсяца. (Онъ подъ симъ разумѣлъ тѣ страны, кои лежатъ къ западу) живутъ бѣлые съ бородами люди, кои множество человѣкъ погубили; подъ симъ по всей вѣроятности разумѣлъ онъ Испанцовъ. Робинсонъ спрашивалъ у него, какимъ образомъ можно притти къ онымъ бѣлымъ людямъ? —— на двухъ лодкахъ, отвѣчалъ онъ, и изъяснилъ посредствомъ знаковъ, что онъ подъ симъ разумѣетъ такую лодку, ко-

торая столь велика, какъ двѣ другія.
При семъ случаѣ разсказалъ онъ ему также, что и въ его отечествѣ находятся бѣлые люди, кои на весьма большой лодкѣ къ нимъ пристали и четыре года у нихъ жили. Робинсонъ заключилъ, что то неотмѣнно были люди съ того самаго корабля, которой за нѣсколько лѣтъ предъ симъ неподалеку отъ острова разбитъ былъ бурею, и вознамѣрился къ нимъ переправиться. Лишь только онъ увѣдомилъ Франца о своемъ намѣреніи, какъ сей началъ прыгать и скакать отъ радости, что отечество свое паки увидитъ; да и Робинсонъ не менѣе восхищался тою надеждою, что увидится съ бѣлыми Европейцами. Онъ сперва нѣсколько безпокоился о томъ, что хочетъ предать Франца въ руки его единоземцовъ; но услышавъ, сколь милостиво и благосклонно вышеупомянутые бѣлые люди ими были приняты, то онъ паки ободрился и все сомнѣніе оставилъ.

Съ самаго того времени немедленно стали они строить судно для своего путешествія. Францъ явилъ много искуства при сей работѣ, и умѣлъ обойтись безъ всѣхъ желѣзныхъ инструментовъ. Робинсонъ изъ остатковъ древней своей парусины; составилъ парусъ, изъ молодаго кедроваго дерева сдѣлалъ мачту и руль, и всю сію работу отправлялъ съ несказаннымъ трудомъ, потому что имѣлъ недостатокъ въ потребныхъ къ тому орудіяхъ.

Какъ скоро судно совсѣмъ снаряжено было, то Францъ принужденъ былъ учиться управлять онымъ: а сіе причиняло въ немъ новое удивленіе и новое увеселеніе. Когда онъ по своему желанію могъ поворачивать судно, какъ на одну, такъ и на другую сторону. Между тѣмъ наступило дождливое время, и путешествіе было отложено до Ноября или Декабря мѣсяца.

Наконецъ настало сіе благополучное время. Они начали судно нагружать съѣстными припасами, потомъ Робинсонъ послалъ Франца на другой берегъ, дабы наловить черепахъ: сей немедленно съ великимъ шумомъ назадъ возвратился и возвѣстилъ Робинсону, что онъ видѣлъ три лодки: онъ толь великимъ объятъ былъ страхомъ, что Робинсонъ ни чѣмъ не могъ его успокоить: ибо твердо былъ увѣренъ, что дикіе для того токмо приходятъ, чтобы его поймать и наказать за прежней побѣгъ. Однако наконецъ Робинсонъ многими увѣреніями и примѣрами доказывая, что и онъ самъ подобной подверженъ опасности, ободрилъ его столь много, что Францъ далъ ему свою правую руку, въ знакъ своея неустрашимости и послушанія.

Послѣ сего Робинсонъ выпилъ съ нимъ добрую рюмку рума, дабы чрезъ то придать какъ ему, такъ и себѣ больше храбрости, и утвер-

дить заключенной союзЪ. Францу далЪ онЪ топорЪ и два заряженныя ружья, а самЪ РобинсонЪ взялЪ сЪ собою свои пистолеты и четыре ружья, заряженные мѣлко нарубленнымЪ желѣзомЪ: вЪ таковомЪ положенiи ожидали они неустрашимо приближенiя непрiятеля.

РобинсонЪ взлѣзЪ на пригорокЪ, и увидѣлЪ на берегу чрезЪ зрительную трубку около двaтцати человѣкЪ дикихЪ, кои прибыли на трехЪ лодкахЪ, и привели сЪ собою трехЪ плѣнниковЪ: они не кЪ тому мѣсту приставали, гдѣ ФранцЪ спасся отЪ смерти, но вышли на берегЪ на другомЪ мѣстѣ, гдѣ мѣлкой лѣсЪ до самаго моря простирался. РобинсонЪ симЪ открытiемЪ сдѣлался гораздо отважнѣе, и не хотѣлЪ ожидать, покамѣстЪ учинено будетЪ на него нападенiе, но самЪ напередЪ вылазку на непрiятлея сдѣлать вознамѣрился. Францу дано было кромѣ оружiя нести еще мѣшокЪ сЪ

пулями: и они обнявши другъ друга съ тѣмъ увѣреніемъ, что до самой смерти будутъ неразлучны, выступили въ походъ. Они вошли въ лѣсъ, изъ коего могли по дикимъ стрѣлять такъ, что ихъ со всѣмъ не можно было примѣтить. Между симъ временемъ, когда пары рума уже не столь сильно въ Робинсонѣ дѣйствовать стали, началъ онъ колебаться въ своихъ мысляхъ: ему по прежнему пришло въ мысль, что онъ никакого не имѣетъ права сражаться съ сими варварами, отъ коихъ ему ни малѣйшая не была учинена обида. Но Францъ, говорилъ онъ самъ съ собою, имѣетъ причину къ войнѣ; а какъ я другъ Франца, то долженъ стоять противу его непріятелей, и слѣдственно законное имѣю къ войнѣ право.

Однако при всѣхъ сихъ разсужденіяхъ не устоялъ онъ въ своемъ предпріятіи, чтобы напередъ на дикихъ учинить нападеніе; но сталъ

въ

въ такомъ мѣстѣ, откуда онъ всѣ ихъ дѣйствія могъ видѣть, и до тѣхъ поръ съ ними не хотѣлъ сражаться, пока они своимъ безчеловѣчіемъ его къ тому не понудятъ; сталъже онъ со своимъ провожатымъ столь близко подлѣ дикихъ что ихъ токмо одна не большая роща отдѣляла. Францъ взлѣзъ на дерево, дабы посмотрѣть, что дикіе дѣлаютъ, и принесъ извѣстіе, что они всѣ вообще сидятъ вокругъ огня и ѣдятъ мясо своихъ плѣнниковъ, что на нѣсколько шаговъ отъ нихъ лежитъ на землѣ еще одинъ связанной, которой вскорѣ туже самую участь приметъ, и что сей послѣдній лицемъ бѣлъ, и походитъ на одного изъ тѣхъ, коихъ его единоземцы за нѣсколько лѣтъ предъ симъ къ себѣ приняли. При сихъ словахъ Робинсонъ преисполненъ былъ еще большимъ усердіемъ къ защищенію злощастнаго, а особливо такого, которой съ нимъ имѣетъ одинакой лица цвѣтъ, а можетъ быть

и изъ одного отечества, и одинакого исповѣданія. Незапно восгорѣлся онъ лютѣйшимъ гнѣвомъ; и увидя вблизи небольшой холмъ, покрытой кустарникомъ, вошелъ на него съ Францомъ и приказывалъ ему, дабы онъ во всемъ точно подражалъ ему. Связанной плѣнникъ, котораго онъ по его одеждѣ призналъ Европейцомъ, уже влекомъ былъ на закланіе; тогда Робинсонъ вмѣстѣ съ Францомъ прицѣлившись, выстрѣлили изъ ружей своихъ. Трое дикихъ тотчасъ упали мертвы на землю, пятеро другихъ выли и стенали о полученныхъ ранахъ, а остальные съ изумленіемъ сидя, взирали на свѣтлое небо, почитая, что оттуда произошелъ сей смертельной громовой ударъ. Оба въ кустарникѣ сокрытые воины, воспользовались симъ изумленіемъ, и въ другой разъ по нихъ выстрѣлили; дикіе побѣжали, у иныхъ текла изъ ранъ кровь, другіе кричали, иные падали отъ безсилія, а другіе мертвыми повергались

лись на землю. Робинсонъ бросивъ тѣ ружья, изъ коихъ они выстрѣлили, взялъ съ собою два другіе съ зарядомъ и приказалъ Францу за собою итти: они съ великимъ крикомъ выбѣжали изъ засады. Францъ преслѣдовалъ бѣгущихъ, кои хотѣли спасаться на своихъ лодкахъ, и засталъ двухъ изъ нихъ, въ то самое время, какъ они на лодкѣ отваливали отъ земли. Робинсонъ поспѣшалъ къ плѣннику, котораго его убійцы при первомъ выстрѣлѣ оставили, разрѣзалъ связующіе его веревки и подымалъ его. Но сей бѣдной человѣкъ, отъ страху столь обезсилѣлъ, что онъ едва на ногахъ стоять могъ: избавитель подкрѣпилъ его рюмкою рума, которою онъ обыкновенно людямъ силу и храбрость придавалъ, и услышалъ отъ него, что онъ былъ Испанецъ. Сей избавленный Испанецъ хотѣлъ было пасть къ ногамъ Робинсона и изъявить ему свою благодарность, но какъ о семъ говорить не время было, и притомъ Робинсонъ

вѣ-

вѣдая, что бой еще продолжается, далъ ему пистолетъ и саблю въ руки, и увѣщевалъ его, дабы онъ съ симъ орудіемъ пошелъ противу непріятеля. Испанецъ пылая мщеніемъ и яростію, получилъ новые силы; онъ напалъ на дикихъ съ чрезвычайною бодростію и убилъ изъ нихъ двоихъ, тѣмъ удобнѣе, поелику они не опомнившись отъ страха и ужаса, въ которомъ находились по причинѣ нечаяннаго стука, отъ ружейнаго выстрѣла произшедшаго, со всѣмъ не помышляли о своемъ защищеніи.

Теперь оставалось у Робинсона одно токмо ружье, а двое дикихъ, убѣжали въ лѣсъ: Францъ немедленно побѣжалъ къ тому дереву, гдѣ начался бой, принесъ оставленныя тамъ ружья, и въ то время какъ ихъ заряжали, возстало между Испанцемъ и однимъ дикимъ весьма сильное сраженіе. Испанецъ сражался мужественно, и сдѣлалъ уже двѣ

раны

раны Индійцу въ голову, какъ вдругъ сей ухвативши его поперегъ тѣла, бросилъ на землю, и изъ всѣхъ силъ старался вырвать у него изъ рукъ саблю; однако Испанецъ и тутъ не оробѣлъ, но отбросилъ саблю, выстрѣлилъ изъ своего пистолета въ грудь Индійца въ то самое время, какъ сей хотѣлъ его поразить выхваченною саблею. Францъ прибѣжавъ на сію пору, довершилъ его жизнь своимъ топоромъ и еще трехъ раненыхъ умертвилъ: потомъ взявши заряженное ружье, выгналъ изъ лѣса двухъ убѣжавшихъ туда дикихъ: одного изъ сихъ убилъ Испанецъ подлѣ берега, а другой бросившись въ море, доплылъ до лодки, и спасся на оной съ тремя другими дикими; на мѣстѣже сраженія осталось убитыхъ 17 человѣкъ.

Францъ совѣтовалъ, чтобы на одной оставленной дикими лодкѣ погнаться за убѣжавшими въ море и ихъ убить, дабы никто домой не

возвратился и не привелъ бы своихъ единоземцовъ на сей островъ къ отмщенiю смерти своихъ сотоварищей. Совѣтъ его единодушно всѣмъ былъ принятъ; они сѣли въ лодку, гдѣ нашли еще одного связаннаго плѣнника, которой лежалъ полумертвой; и безъ всякаго движенiя; они его развязали немедленно. Но сей бѣдной старикъ, не могъ на ногахъ стоять; онъ воздыхалъ и плакалъ весьма жалостно, думая что поведенъ будетъ на смерть. Но Францъ посмотрѣвши ему попристальнѣе въ лице, вдругъ бросился на него, обнималъ его, плакалъ, смѣялся, билъ въ ладони, плясалъ около его, пѣлъ и скакалъ, какъ сумашедшей. Онъ не внималъ отъ радости словамъ Робинсона, которой вопрошалъ его о причинѣ его бѣшенства, и наконецъ объявилъ, что сей плѣнникъ былъ его отецъ.

Избавленiе отца своего отъ толь великой и страшной опасности причинило Францу толь великую радость, что

что онъ совсѣмъ забылъ друзей и враговъ своихъ, то скакалъ онъ къ нему въ лодку, то изъ нее выпрыгивалъ, садился подлѣ его, прижималъ голову отца своего къ груди, и перетиралъ ему руки и ноги, для уменьшенія боли, произшедшей отъ веревокъ, коими онъ былъ связанъ.

По щастію сей случай воспрепятствовалъ имъ итти въ море, ибо спустя полчаса потомъ поднялась на морѣ сильная съ вихремъ буря, которая во всю ночь продолжалась, и дикіе убѣжавшіе на лодкѣ, либо на пути погибли, либо снесены въ другую сторону, потому что вѣтръ былъ имъ противной.

Робинсонъ желая угостить сихъ новыхъ пришлецовъ, приказалъ Франццу принести изъ своего жилища сушенаго винограда, пшенишныхъ пироговъ и воды; сей съ великою скоростію возвратившись назадъ, поставилъ все принесенное имъ предъ

 от-

отцемъ своимъ, не помышляя о томъ, что и Испанцу потребно подкрѣпить пищею свои силы. Сей изнуренъ былъ толь много, что онъ отъ усталости едва открывалъ свои глаза и Робинсонъ заставилъ Франца тереть румомъ его распухлыя ноги.

Какъ скоро они немного оправились, то Робинсонъ пріуготовился вести ихъ въ свое жилище. Францъ понесъ Испанца на плечахъ, которой шелъ весьма тихо въ лодку, гдѣ находился его отецъ, отвалилъ съ оною отъ берега, и не взирая на бурю, привезъ ихъ къ жилищу Робинсона; а какъ они отъ слабости не могли взлѣсть на валъ, то Францъ съ великимъ проворствомъ и скоростію сдѣлалъ подлѣ онаго шалашь, и пріуготовилъ для нихъ постель изъ соломы.

Теперь пустой островъ Робинсона вдругъ былъ населенъ, и онъ изъ отчаяннаго странственника сдѣлался

лался небольшимЪ МонархомЪ и имѣлЪ у себя подданныхЪ, кои всѣ ему одолжены были за спасенiе ихЪ жизни, и слѣдственно повиновались ему изЪ благодарности: и вЪ его государствѣ царствовали даже три вѣры; а именно ФранцЪ былЪ ПротестантЪ, отецЪ его язычникЪ, а ИспанецЪ КатоликЪ, и онЪ аки мудрой и праведной правитель, дозволилЪ непрепятственно каждому исповѣдывать свой законЪ.

РобинсонЪ для насыщенiя своихЪ подданныхЪ убилЪ одну козу, и прiуготовилЪ кушанье, которое состояло изЪ варенаго и жаренаго; по окончанiи стола они погребли убитыхЪ, и до основанiя раззорили огнемЪ и мечемЪ то мѣсто, гдѣ дикiе отправляли варварскiя свои празднества; теперь ничего не оставалось болѣе опасаться, какЪ возвращенiя дикихЪ на сей островЪ; почему РобинсонЪ сдѣлалЪ всѣ нужные кЪ учиненiю имЪ отпора прiуготовленiя;

но какъ чрезъ долгое время ниединой непріятель не казался, то и онъ пересталъ ихъ опасаться, думая, что четверо убѣжавшихъ либо вовремя бури погибли либо они сами боятся приступить къ такому острову, которой почитали обвороженнымъ. Въ слѣдствіе времени узналъ онъ, что его догадка была справедлива; дикіе дѣйствительно прибыли въ свою отчизну и расказывали, что духи сошли съ небесъ, и громомъ и молніею побили ихъ сотоварищей.

Робинсонъ разговаривая и допрашивая стараго дикаго о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, при чемъ Францъ былъ толмачемъ, получилъ паки желаніе итти на сосѣдственную матерую землю: сей старикъ увѣрялъ его, что его единоземцы примутъ весьма хорошо. Испанецъ же возвѣстилъ ему, что тамъ находится еще другихъ 16 человѣкъ Европейцовъ, отчасти Испанцевъ, а отчасти Португальцовъ, кои хотя и миролюбиво живутъ съ дикими, одинако

нако отъ голоду умираютъ по недостатку въ съѣстныхъ припасахъ. Они по его словамъ вышли на одномъ Испанскомъ суднѣ, изъ рѣки де-ла-Платы и везли мѣхи и серебро въ Гавану; но какъ на пути случилась сильная буря, то они пересѣли съ корабля на шлюбку, на которой и принесены были къ тамошнему берегу. Сей Испанецъ объявилъ также, что они имѣютъ съ собою и оружіе, но по неимѣнію пороха и пуль, онаго употреблять не могутъ. Робинсонъ при семъ случаѣ тотчасъ вздумалъ умножить свое селеніе оными Европейцами; но изъ недовѣрчивости къ нимъ, потому что они по большей части были Испанцы, не хотѣлъ съ ними никакого начинать дѣла; однако при семъ весьма желалъ съ ихъ помощію построить судно, и наономъ отправиться либо въ Бразилію либо на Испанскіе острова. Испанецъ вызвался, что онъ съ Францовымъ отцемъ отправится къ своимъ сотоварищамъ, и сообщитъ имъ

сей планЪ, и что ежели они на оной согласятся, то онЪ принудитЪ ихЪ учинить клятву, чтобы Робинсона признавать главнокомандующимЪ судна, и имѣть кЪ нему почтеніе и послушаніе до тѣхЪ порЪ, покамѣстЪ они не прибудутЪ вЪ какую нибудь христіанскую землю. А дабы и со своей стороны не оставить какого подозрѣнія, то онЪ самЪ предЪ своимЪ отЪѣздомЪ учинилЪ клятву, обязуясь защищать Робинсона до послѣдней капли своея крови, вЪ случаѣ если его единоземцы паче чаянія не сдержатЪ своего слова, хотя онЪ впрочемЪ и увѣрялЪ, что сего опасаться нѣчего, и что они сЪ радостію восхотятЪ изторгнуть себя изЪ крайности, вЪ которой они находятся.

Сіе посольство было единодушно всѣми подтверждено; однако они почли за полезное отсрочить оное до того времени, покамѣстЪ не соберутЪ довольнаго количества сЪѣстныхЪ припасовЪ, для прокормленія

новыхЪ обитателей; и такЪ всѣ четверо стали обработывать землю и посѣяли всю Пшеницу и Пшено, безЪ которой они до будущей жатвы обойтись могли. Между тѣмЪ начали уже они свозить то дерево, изЪ коего должно было построить судно; РобинсонЪ показалЪ своимЪ товарищамЪ, какимЪ образомЪ должно дѣлать доски, при неимѣнiи нужныхЪ для того инструментовЪ. ВЪ тоже самое время наловили они множество козЪ, собрали винограда столько, сколько можно было достать, и по пополученiи богатой жатвы, и по сдѣланiи всѣхЪ прiуготовленiй кЪ принятiю новыхЪ гостей, ИспанецЪ вмѣстѣ сЪ отцемЪ Франца, отправились вЪ море.

Прошла цѣлая недѣля, и посланные не возвращались; ФранцЪ принужденЪ былЪ безпрестанно ходить на берегЪ и смотрѣть за ними; но вЪ девятой день рано по утру, когда РобинсонЪ еще спалЪ, прибѣ-

жалъ Францъ съ радостнымъ крикомъ къ нему въ шалашь, говоря: *они прибыли, они прибыли.* Робинсонъ вставши безъ всякаго замедлѣнія, и прошедъ чрезъ мѣлкой лѣсъ, которой окружалъ его жилище; въ немалое пришелъ удивленіе, когда увидѣлъ онъ на парусѣ къ берегу приближающуюся шлюбку. По всей вѣроятности сіи люди не могли быть тѣ, коихъ они ожидили: ибо они шли съ другой стороны, и со всѣмъ на другомъ суднѣ. И такъ Робинсонъ приказалъ Францу спрятаться, а самъ вошелъ на высокой камень, и увидѣлъ чрезъ зрительную трубку, что на одну милю отъ берега стоитъ на якорѣ одинъ корабль, которой казался быть Аглинскимъ. Увидя сіе, вся въ немъ кровь взволновалась, ибо видѣть корабль, которой по всей вѣроятности принадлежалъ его единоземцамъ, немалое для него было удовольствіе; однако то чудно показалось ему, какимъ образомъ зашли Агличане въ

сіе

сіе море, и въ сію часть свѣта, въ которой они не отправляютъ торговли. Не можно думать, чтобы они были бурею занесены, потому что долгое время на морѣ погоды не было; и такъ заключилъ, что неотмѣнно какія нибудь дурныя причины, или намѣренія къ сему ихъ понудили.

Спустя не много времени шлюбка приближилась къ берегу, и они старались войти въ какой нибудь заливъ, но не нашедъ онаго привалили къ песку, разстояніемъ на одну четверть мили отъ Робинсонова жилища: ихъ вышло на берегъ 11 человѣкъ, которые казались быть всѣ Агличанами, окромѣ двухъ и ихъ Робинсонъ почелъ за Голландцовъ, трое изъ нихъ были безъ оружія и связаны. Одинъ изъ сихъ трехъ былъ въ великомъ отчаяніи, другіе же двое казались быть также въ великой горести. Францъ думалъ, что сіи Агличане намѣрены были связанныхъ сожрать такъ какъ дикіе. Хотя Робинсонъ

бинсонъ и далъ ему оружіе, однакожъ онъ о ихъ животѣ сомнѣвался, потому что одинъ изъ прочихъ часто грозилъ имъ своимъ палашемъ.

Агличане бродили по всему острову, какъ будто бы оной разсмотрѣть хотѣли; три плѣнника остались одни безъ стражи, однакожъ не сходили съ мѣста, но сѣвъ на песокъ были погружены въ задумчивость и почти въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ Робинсонъ при первомъ его прибытіи на островѣ находился.

Въ самое то время, когда они приставали къ берегу, былъ приливъ, а потомъ когда насталъ отливъ, то шлюбка осталась на сушѣ. Они хотя на шлюбкѣ и оставили двухъ человѣкъ, которые однакожъ упившись виномъ, заснули. Одинъ проснулся, и кликалъ другихъ, чтобъ судно стащить съ берега; но имъ въ томъ не удалось, хотя и всѣ

свои силы употребляли. Сей Жамесъ оставъ шлюбку! приливъ ее стащитъ съ берегу. —— А потомъ съ обыкновенною безпечностію мореходцевъ разбрѣлись.

Робинсонъ изыскивалъ разныя средства къ спасенію плѣнниковъ, зная, что приливъ по прошествіи 10 часовъ паки начнется. Онъ привелъ себя между тѣмъ въ совершенное оборонительное состояніе: ибо ему надобно было теперь имѣть дѣло не съ боязливыми дикими. Однакожъ онъ немало полагался и на свою фигуру, которая всякаго устрашить могла. Повѣсивъ на плеча по ружью, за поясъ пару пистолетъ, и прицепивъ саблю, подошелъ въ сумерки къ тому дереву, гдѣ плѣнники лежали, а Францъ слѣдовалъ за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи.

Приближившись туда, спросилъ онъ плѣнниковъ поиспански: кто они таковы. Они молчали. Онъ повторилъ

вторилъ свой вопросъ поаглински; уверяя ихъ, что имъ нечего отъ него опасаться, ибо онъ пришелъ имъ на помощь. Нещастные не хотели тому верить, да и не могли себе вообразить, что съ ними говорилъ человекъ а только воздыхали. Успокойтесь сказалъ наконецъ Робинсонъ, я вашъ землякъ, я Агличанинъ, у меня есть оружія, которымъ вы себе вольность обрести можете, раскажите мне только ваше приключеніе! —— Повесть наша долга, ответствовалъ одинъ. Я Капитанъ того корабля, которой тамъ стоитъ; матрозы взбунтовались противу меня, и едва не умертвили, теперь же определили бунтовщики оставить меня въ сей пустыне съ сими двумя, изъ коихъ одинъ мой штурманъ, а другой пасажиръ. Мы думая, что сей островъ необитаемъ, чаяли умереть на ономъ съ голоду, однакожъ спасеніе, которое вы намъ столь великодушно обещаете, еще не известно. —— Где ваши злодеи,

во-

вопросилЪ РобинсонЪ? они показали ему на близь лежащую рощу. Если у мятежниковЪ оружіе? только два ружья отвѣтствовали они, изЪ коихЪ одно лежитЪ вЪ шлюбкѣ. РобинсонЪ уже приготовился было убить мятежниковЪ спящихЪ, но узнавЪ, что только двое изЪ нихЪ были злодѣи, а прочихЪ легко на истинный путь обратить можно, оставилЪ свое намѣреніе и совѣтовалЪ плѣнникамЪ, слѣдовать за нимЪ вЪ рощу для совѣта, что они и учинили. ОнЪ сдѣлалЪ сЪ корабельнымЪ КапитаномЪ слѣдующей уговорЪ: 1) чтобы господинЪ КапитанЪ во время бытія его на острову не присвоивалЪ себѣ никакой власти, и былЪ бы ему во всемЪ послушнымЪ; 2) если ему удастся овладѣть своимЪ кораблемЪ, то отвезти его и сЪ слугою вЪ Англію безденежно, за что РобинсонЪ обѣщалЪ на все отважиться, что только кЪ спасенію Капитана служить можетЪ. КапитанЪ и оба его товарищи согласились на оное безЪ преко

кословія, и клялись слѣдовать повсюду за своимъ избавителемъ, если имъ не удастся паки овладѣть кораблемъ.

Послѣ сей торжественной клятвы, далъ Робинсонъ всѣмъ по ружью, и совѣтовалъ напасть на сонныхъ, только съ тѣмъ, что бы тѣмъ, которые здадутся, даровать жизнь. Капитанъ хотя и отвращался кровопролитія, однакожъ видѣлъ необходимую въ томъ нужду, для того, чтобы оба зачинщики не ушли и не пришли бы паки во многолюдствѣ, и безъ милосердія не предали бы ихъ смерти; и такъ неотмѣнно надобно было убивать, чтобъ самому не быть убиту. Во время сихъ совѣщаній, двое изъ бунтовщиковъ встали и пошли прочь; но какъ сіи были не главные зачинщики, то ихъ и пропустили. Оба товарища Капитана пошли къ бунтовщикамъ, и шумомъ своимъ ихъ разбудили; но они не давъ имъ оправиться выстрѣлили по нихъ

и одного зачинщика убили, а другаго ранили; раненой вскочилъ проворно, кричалъ прося помощи. Умри злодѣй, сказалъ тогда Капитанъ, а потомъ напавъ на него съ жестокостію изрубилъ его своею саблею. Осталось еще трое, изъ коихъ одинъ легко былъ раненъ. Они хотя и вздумали было обороняться, но увидѣвъ Робинсона и его слугу въ странномъ видѣ, устрашились и просили о помилованіи, не надѣясь на свою силу. Капитанъ склонился на ихъ прозьбу съ тѣмъ уговоромъ, чтобъ они помогли ему овладѣть кораблемъ, и ѣхали бы съ нимъ въ Ямайку. Они во всемъ дали торжественную клятву, и допустили себѣ связать руки и ноги.

Тотчасъ Францъ былъ посланъ овладѣть шлюбкою и снять съ оной паруса и весла. Три матроса, которые по щастію на то время удалились, услышавъ ружейной выстрѣлъ, пошли назадъ, но увидя убитыхъ товарищей, а прочихъ въ плѣну, отдались добровольно побѣдителямъ.

Капитанъ не могъ довольно надивиться Робинсоновымъ укрѣпленіямъ и порядку въ его жилищѣ и прочему. Они совѣтовали между собою, какъ бы имъ овладѣть кораблемъ. По словамъ Капитана было наономъ еще 26 человѣкъ, которые всѣ казни достойны были, и въ отчаяніи на все бы отважиться могли, если бы на нихъ нападеніе учинено было; и такъ не было инаго средства, овладѣть ими, какъ только хитростью. Робинзонъ думалъ, что они конечно отправятъ другую шлюбку, для провѣданія о своихъ товарищахъ, и для того приказалъ первую затопить, что по забраніи всѣхъ въ оной находившихся вещей и исполнено было. Въ самое то время, когда Робинсонъ трудился, съ товарищами своими надъ встаскиваніемъ оной шлюбки на берегъ, услышали они пушечной выстрѣлъ и усмотрѣли на кораблѣ обыкновенной знакъ, чтобъ шлюбка возвратилась къ берегу; однакожъ всѣ подаваемые знаки были

по

по пустому. Вскорѣ послѣ того увидѣли они въ зрительную трубку, что другую шлюбку на воду спустили, и оная приближается къ берегу, на которой посажено было 10 человѣкъ вооруженныхъ матросовъ, надъ коими командовалъ г. Ботсманъ. Капитанъ печалился, что съ такимъ многолюдствомъ ничего сдѣлать неможно было, а паче для того, что всѣ, выключая трехъ или четырехъ человѣкъ, были зачинщики. Изрядно! сказалъ Робинсонъ, такъ мы постараемся пощадить сихъ четырехъ человѣкъ, и покорить ихъ себѣ, что бы они намъ послѣ помощь подать могли. — Послѣ чего Капитанъ опять ободрился, а шлюбка пристала къ берегу.

Двухъ подозрительнѣйшихъ изъ плѣнниковъ Францъ принужденъ былъ отвесть въ Гротъ, изъ коего они неудобно могли найти дорогу, хотя бы и освободились отъ оковъ своихъ; и еще двое отведены были въ Роби-

бинсоново жилище, а остальнымъ тремъ по засвидѣтельствованію Капитана дана свобода: они клятвенно обѣщались быть вѣрными и послушными; и посему нашлось семь человѣкъ, кои могли сопротивляться приближающемуся боту. Какъ скоро онъ прибылъ, то встащенъ былъ на песокъ; на немъ находилось 10 человѣкъ, кои съ великимъ удивленіемъ увидѣли большую дыру въ первомъ ботѣ, кричали неоднократно всѣ вмѣстѣ, и какъ ниединой изъ ихъ товарищей не показался, то они стали вокругъ, и выстрѣлили всѣ въ одно время изъ своего оружія; однако и тутъ ни одного изъ своихъ товарищей не видали. Они совсѣмъ не могли себѣ воображать, какая тому была причина, и сѣли паки въ свой ботъ, дабы возвратиться къ кораблю: но вскорѣ опять вышли на землю и осталось токмо три человѣка въ ботѣ, а прочіе пошли во внутрь острова. Они шли всѣ вмѣстѣ прямо къ той каменной горѣ, которая находилась

близъ

близь Робинсонова жилища, и взошедъ на оную, неоднократно кликали своихъ товарищей; однако ниединаго человѣка не видали. Послѣ чего сѣли на вершину оной горы, и совѣтовались между собою: ибо далѣе въ островъ подаваться они неосмѣливались, но промѣшкавъ тутъ нѣсколько времени, поворотили къ берегу.

Капитанъ весьма вознегодовалъ на то, что онъ въ надеждѣ своей обманулся, ибо думалъ учинить во время перваго сна на нихъ нападенiе; однако Робинсонъ употребилъ одну хитрость, помощiю коея они въ намѣренiи своемъ желанной получили успѣхъ. Онъ отправилъ штурмана и Франца чрезъ оной небольшей заливъ, и велѣлъ имъ на всякомъ холмѣ, которой имъ на пути попадется, громко кричать; какъ будтобы они были товарищи прiѣзжихъ, и симъ способомъ заманить ихъ въ лѣсъ. Успѣхъ соотвѣтствовалъ

валъ намѣренію: ибо лишь только хотѣли они сѣсть въ ботъ, какъ услышали голосъ; они немедленно паки вышли на землю, и пошли въ ту сторону, откуда исходилъ голосъ. Но принуждены были у одного протока остановиться: двое изъ нихъ привели ботъ, и переправились на ономъ на другую сторону берега; потомъ привязавши ботъ къ дереву, и оставивъ двухъ человѣкъ для охраненія онаго, остальные пошли далѣе въ лѣсъ.

Одинъ изъ сихъ оставшихся вскорѣ заснулъ на песку; Капитанъ увидя сіе, немедленно набѣжалъ на него, и перерубилъ ему голову, а тому, которой находился въ ботѣ, кричалъ, дабы онъ тотчасъ сдался; если не хочетъ подобной имѣть участи: сей видя себя окруженнаго пятью человѣками, коимъ онъ сопротивляться не могъ, покорился, обѣщавъ хранить вѣрность и послушаніе.

Толь же благополучной успѣхъ въ своемъ предпріятіи имѣли штурманъ и Францъ; они не переставали кричать по тѣхъ поръ, покамѣстъ не заманили ихъ въ глубокой лѣсъ, изъ коего они съ великимъ трудомъ могли выйти: но сколь много удивились, когда пришедъ къ берегу, не увидѣли оставленныхъ ими для охраненія бота стражей! Они думали, что находятся на обвороженномъ острову; звали ихъ по имени, и бродили въ безпамятствіи въ задъ и въ передъ острова. Между тѣмъ войско Робинсона приближилось тайно, въ намѣреніи учинить на нихъ нападеніе тогда, когда они разсѣятся. Старшій ботсманъ, на котораго Капитанъ больше другихъ озлобленъ былъ, поворотилъ еще съ двумя другими матросами въ ту самую сторону, гдѣ ихъ поджидали. Капитанъ при семъ случаѣ не могъ воздержаться отъ гнѣва, но тотчасъ выстрѣлилъ по нихъ, и первымъ выстрѣломъ убилъ

билѣ своего непріятеля. Послѣ сего кѣ другимѣ матросамѣ высланѣ былѣ тотѣ самой матросѣ, котораго они взяли на ботѣ, сѣ тѣмѣ, дабы онѣ ихѣ увѣщевалѣ сдаться, если они не хотятѣ на семѣ же мѣстѣ погибнуть. Они узнавши своего товарища, вопросили его, кому они должны сдаться? Нашему Капитану, отвѣствовалѣ матросѣ; онѣ здѣсь на острову находится сѣ 50 человѣками, и болѣе двухѣ часовѣ васѣ ищетѣ. Главной Ботсманѣ теперь застрѣленѣ, Вильгельмѣ Фри опасно раненѣ, а я взятѣ вѣ плѣнѣ; если вы тотчасѣ не покоритесь, то вы всѣ погибните.

Да будетѣ ли намѣ прощено, если мы сдадимся? вопросилѣ одинѣ изѣ толпы? —— Да, всѣмѣ будетѣ прощено, возопилѣ Капитанѣ, выключая Вильгельма Атіекса, которому я ничего не обѣщаю, если онѣ небудетѣ искать милости у Губернатора. — Подѣ Губернаторомѣ разумѣлся

мѣлся Робинсонъ, и они безъ всякаго замедлѣнія положили оружіе, и просили, дабы онъ пощадилъ ихъ жизнь. Францу и двумъ другимъ матросамъ приказано было ихъ связать, шлюбка была у нихъ отнята и Губернаторъ для нѣкоторыхъ выгодныхъ причинъ не разсудилъ за благо имъ показываться. Капитанъ во имя Губернатора возвѣстилъ всѣмъ, что имъ проступокъ ихъ будетъ прощенъ, а Вильгельму Атіексу, котораго онъ прежде сего угрожалъ смертію, напомянулъ, дабы онъ къ завтрему пріуготовился къ висилицѣ. Атіексъ повергнулся къ ногамъ Капитана, и всенижайше просилъ, дабы онъ исходатайствовалъ у Губернатора ему милость. Губернаторъ приказалъ громко позвать къ себѣ Капитана, которой также громкимъ голосомъ отвѣтствовалъ, что онъ немедленно къ Его Превосходительству явится. Въ темнотѣ не можно было распознать Его Превосходительство, и для сей причины, казалось оно плѣнникамъ страшнымъ.

 Капи-

Капитанъ явился, и Робинсонъ сообщилъ ему планъ, какимъ образомъ они могутъ посредствомъ сихъ самыхъ людей овладѣть кораблемъ, а именно: онъ совѣтовалъ Атіекса и другихъ двухъ наказаніе заслуживающихъ бунтовщиковъ посадить въ гротъ, а прочихъ отослать въ лѣтній дворецъ, откуда они не могутъ убѣжать: ибо онъ окруженъ былъ полисадникомъ. Къ симъ послѣднимъ пришелъ на другой день Капитанъ, дабы изведать ихъ мысли, и можно ли на нихъ безопасно положиться. Онъ имъ представлялъ, что хотя Губернаторъ имъ даруетъ жизнь, однако отъ него также зависитъ, послать ихъ въ Англію, гдѣ они неотмѣнно повѣшены быть имѣютъ; еслиже, присовокупилъ къ тому Капитанъ, вы мнѣ обѣщаетесь вѣрно вспомоществовать въ томъ, чтобы корабль паки доставить моей власти, то Губернаторъ исходатайствуетъ вамъ прощеніе и въ вашемъ отечествѣ.

Ни-

Ни единой изЪ нихЪ не отрекся вспомоществовать ему, и святѣйшею утвердили сіе клятвою. А какЪ на ихЪ клятву не можно было положиться, то РобинсонЪ для большей безопасности приказалЪ токмо пятерыхЪ отправить кЪ кораблю, а остальныхЪ для большей безопасности оставить вЪ его жилищѣ, вмѣсто аманатовЪ, сЪ тѣмЪ притомЪ подтвержденіемЪ, что буде тѣ, коимЪ КапитанЪ препоручаетЪ себя и свое щастіе, нарушатЪ свою клятву; то залоги будутЪ на берегу повѣшены.

И такЪ войско Капитана состояло изЪ двенатцати человѣкЪ, коихЪ онЪ раздѣлилЪ на два бота; РобинсонЪ и ФранцЪ остались на острову для охраненія плѣнниковЪ. А какЪ РобинсонЪ опасался, дабы онЪ вЪ своемЪ видѣ не потерялЪ уваженіе Губернатора, то онЪ обьявлялЪ себя такимЪ человѣкомЪ, коему ГубернаторЪ поручилЪ смотреніе надЪ плѣнниками.

По полуночи Капитанъ со всѣми людьми отправился въ море; и какъ скоро онъ пришелъ на такое отъ корабля растояніе, что находящіеся тамъ люди могли его рѣчи ясно слышать: то онъ приказалъ одному изъ своихъ матросовъ громко кричать, что они по долгомъ странствованіи назадъ возвращаются, и другими подобными сему словами занималъ непріятеля до тѣхъ поръ, покамѣстъ онъ къ кораблю совсѣмъ не присталъ. Капитанъ и Штурманъ первые вошли на корабль и порубили всѣхъ, кои имъ сопротивлялись, и симъ образомъ помалу всѣмъ судномъ овладѣли, выключая той каюты, гдѣ находился новой командующій. Штурманъ дверь у нее силою выломалъ, и новой Капитанъ, которой туда напередъ убѣжалъ съ тремя матросами, тотчасъ по отверстіи дверей выстрѣлилъ изъ ружья, однако никого не убилъ. Только Штурманъ былъ при семъ легко раненъ въ руку, однако онъ не взирая

на

на оную рану, застрѣлилъ новаго Капитана пистолетомъ, а по побіеніи его всѣ прочіе сдались, и ссора прекратилась.

Побѣдоносной Капитанъ тотчасъ приказалъ сдѣлать семь выстрѣловъ изъ пушекъ, дабы по силѣ условія, дать Робинсону сигналъ о благополучномъ успѣхѣ своего предпріятія, и на другое утро приближился сколько возможно ближе къ острову. Его другъ бѣжалъ къ нему съ восхищеніемъ на встрѣчу, Капитанъ стремился въ его объятія и Робинсонъ видя свое изъ дватцати-осми-лѣтняго уединенія избавленіе, толико обрадовался, что долгое время пребылъ въ безмолвіи, и наконецъ упалъ въ обморокъ. Капитанъ, изъ благодарности къ нему, осыпалъ его подарками, далъ ему платье и разныхъ родовъ свѣтскихъ припасовъ, кои нашелъ на караблѣ. Робинсонъ одѣлся въ оное платье, дабы ему показаться предъ плѣнниками въ видѣ

на-

настоящаго Губернатора, потомъ велѣлъ ихъ предъ себя призвать, и далъ избирать одно изъ двухъ, либо скованнымъ итти въ Англію, и тамъ быть наказаннымъ, либо остаться на островѣ; они избрали сіе послѣднее, а для большаго ихъ увѣренія выставилъ на большой мачтѣ убитаго новаго Капитана, въ знакъ того, что и съ ними подобнымъ образомъ поступлено быть имѣетъ, если они до отхода судна не будутъ на островѣ спокойны. Робинсонъ далъ имъ наставленіе въ своемъ домоводствѣ, отдалъ имъ всѣ сосуды, оружія, козъ, свой зáмокъ лѣтней дворецъ, а Капитанъ по его прозьбѣ далъ имъ довольное количество пороха и другихъ съѣстныхъ припасовъ, также нѣкоторые роды сѣменъ.

Въ воспоминаніе же своея уединенныя жизни взялъ Робинсонъ съ собою всю свою одежду, свой зонтикъ и одного попугая, и простив-

шись съ такимъ островомъ, въ которомъ претерпѣлъ толико бѣдствій, опасностей и недостатка, отправился въ Англію.

Онъ хотя и нашелъ еще въ живыхъ ту вдову, которой отдалъ половину своего имѣнія, пріобрѣтеннаго имъ на первомъ его путешествіи въ Гвинею, однако она въ толь бѣдственномъ находилась состояніи, что онъ никакъ не могъ отъ нее онаго требовать. Родители его умерли во время его отсутствія, а имѣніе раздѣлено между другими сродниками, и ему ничего не осталось, потому что его почитали уже умершимъ. Вкладчики того корабля, которой онъ избавилъ отъ насильствія бунтовщиковъ, подарили ему изъ благодарности 200 фунтовъ стерлинговъ: онъ отправился въ Лиссабонъ, и нашедъ тамъ того стараго Капитана, которой отвозилъ его въ Бразилію, досталъ, помощію его стараній одну часть изъ того при-

бытка, которой оставленные его въ Бразиліи кураторы получили. Онъ продалъ свои разведенія, и съ нарочито великимъ имѣніемъ въ свое отечество возвратился, гдѣ женившись, жилъ благополучно до тѣхъ поръ, покамѣстъ его склонность къ безпокойствамъ и мореплаванію не понудила паки вытти въ море. Вѣрной его слуга Францъ жилъ у него честно, и пріобыкъ ко всѣмъ Европейскимъ обрядамъ, выключая того, что не-могъ сносить сѣверной стужи.

КОНЕЦЪ.

